

О! Алексеева

ЗВЕЗДУНЕТЦ

реалити-шоу

Романтика с веселой приправой

Оксана Алексеева

Звездунец

«Автор»

2023

Алексеева О.

Звездунец / О. Алексеева — «Автор», 2023 — (Романтика с веселой приправой)

Мой парень – Эд Модестин! Да-да, тот самый известный актер, в которого влюблены все девчонки страны. И ничего, что Эдику приходится разыгрывать любовь с Илоной, его партнершей по съемочной площадке. Это ведь просто работа! Но звездную парочку приглашают в грандиозное реалити-шоу «Битва за любовь», а мне вспоминаются все книги, где фальшивые отношения перерастают в реальные... И что мне остается делать? Разве что схватить за руку молодого человека Илоны и пробиться в то же шоу, чтобы наши возлюбленные не остались без присмотра. Мы со Славой - не звезды, не актеры и не певцы, но ведь и нам не хочется упустить из рук собственное счастье.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Оксана Алексеева

Звездунец

Глава 1

Не могу дождаться, когда уже до сценаристов допрет, что не надо выдумывать любовь для сюжета – она уже под их носом! Самая настоящая романтическая история, без прикрас достойная экранизации. И актеры готовы: Эдика сыграет, как ни странно, Эдик, а мою роль вполне потянет Тонька – у нее фактура подходящая.

Наша с Эдиком любовь растопила бы сердце любому прагматику: она как прозрачный хрусталь без единого изъяна. Мы уже в первом классе сидели за одной партой. Правда, тогда он был лохматым раздражающим толстячком, и мне нередко приходилось давать ему затрещины в воспитательных целях, пока учительница не видит. В седьмом классе он впервые выхватил из моих рук школьную сумку по пути домой, а возле подъезда вернул, скривив злобную мину. Принялся повторять это ежедневно, пока сам не привык к собственному смущению. В девятом – неожиданно для всех вытянулся вверх, повзрослел, стал привлекать к себе внимание одноклассниц, но назойливым прилипалой остался под моим бочком. Эд никогда не предлагал мне встречаться – мы просто начали: краснея, держались за руки, сбегали с математики в кино, а уже в десятом классе впервые поцеловались. На выпускном именно мы открывали бал отрепетированным вальсом, а детская влюбленность переросла в любовь на всю жизнь.

Мы почти никогда не ссорились, а преспокойно планировали уже понятное обоим совместное будущее. Я хотела поступить на экономическую специальность, а у Эдика с успеваемостью дела обстояли куда хуже. Но он совершил невозможный для себя прорыв: отменил все свои кружки и тренировки, погряз в учебниках и репетиторах, чтобы все-таки попасть со мной на один факультет. Если бы не прошел, тогда я перенаправила бы свой путь и подалась на менее престижное направление. Мы оба были готовы на что угодно, лишь бы не разлучаться, а сама специальность в ту пору для нас большого значения не имела. Кто, скажите на милость, в восемнадцать твердо знает, чем будет заниматься через тридцать лет? Мы просто шли за своими дипломами, которые «не позволят пропасть», а определиться с дальнейшими планами сможем и позже – обязательно вместе.

Мы не разлучались, но и не ограничивали друг друга ни в чем. На первом курсе Эдик вернулся к тем же хобби, которые предпочитал в школе. Его сразу оформили в театральный кружок, а по средам он стоял во втором ряду институтского хора. Нельзя сказать, что он обладал несравненным вокальным талантом, но петь умел, а на сцене всегда раскрывался и казался совсем другим человеком. Я же, чтобы не отставать от бойфренда, записалась на танцы – не только же моему парню отстаивать честь альма-матер во всяких мероприятиях. Мы с ним являли собой тот редкий случай, когда в отношениях каждый становится лучше и тянет второго наверх: Эд, по характеру более общительный, с головой погрузил меня в студенческую внеучебную шумиху, а я помогала ему с предметами, когда возникала такая необходимость. О свадьбе мы говорить не спешили – и так все ясно: закончим вуз, найдем работу – тоже желательно в одном офисе, съедем от родителей и сразу поженимся. Такие очевидные факты не требуют долгих дискуссий.

В конце второго курса все резко изменилось. И я присутствовала в том ярком моменте, с которого начался взлет моего любимого парня. Мы сидели в кафе после выступления его театрального кружка, о чем-то болтали, переплетя пальцы, когда к нашему столику поднырнул худощавый мужичок, шедший за нами от самого актового зала института и некоторое время наблюдавший за Эдиком со стороны. Представился продюсером, что-то залил про фактуру

и оставил на столе визитку. Когда я пересказывала эту сцену маме, то она не поверила, что вообще такое бывает: продюсер оказался действительно продюсером, а не ушлым придурком, мечтающим провести кастинг на заднем сиденье его машины. Эдик после некоторых колебаний ему позвонил – с тех пор в нашей жизни не осталось тишины и гармоничного спокойствия.

Сериал запустили в сентябре – невероятное красочное фэнтези с огромным бюджетом. Эду досталась роль одного из злодеев, противника команды главных героев. Уже на пятой серии создатели наживую переписывали сценарий: Эдика перевели сначала в основной состав, а потом начали увеличивать экранное время. Первый сезон заканчивался под триумфальные рейтинги. На втором Эду прописали и романтическую линию – в партнерши ему досталась восходящая звезда Илона Ласкова, невозможная красотка. И без того нескромный бюджет на съемки вырос в разы – инвесторы, как рассказывал мне Эдик, обрывали телефоны, а стриминговые сервисы соревновались в объеме рекламной поддержки.

Вот так все сделалось совсем иным: более ярким, насыщенным, но непривычным. Прошло всего несколько месяцев, но мой парень, живущий с детства в том же квартале, стал невероятно популярен. Над его внешностью теперь работали стилисты, темно-русые волосы выбелили, широким бровям придали немного другую форму – он и раньше был самым красивым, а теперь стал ослепительным. Институт ему пришлось бросить на третьем курсе – именно пришлось, поскольку график съемок, интервью и подготовок промо становился все более плотным. Одногруппники некоторое время посматривали на меня с жалостью, но их скепсис быстро увял – мы с Эдиком и не думали расставаться из-за такого пустяка, как его популярность. Хотя теперь мы старались не появляться в общественных местах вместе, опасаясь нарваться на фанатов, а мой парень на улице всегда носил темные очки и кепку. И все равно, если у него только выкраивалась свободная минутка, подъезжал за мной к институту, чтобы забрать после лекций. Я пыталась объяснить, что эта красная «Феррари» с прижатым носом привлекает столько внимания, что никакая кепка не спасет, но Эд со смехом упорствовал: он хотел, чтобы я гордилась им, каждый свой успех, все свои растущие гонорары он хотел делить со мной. А иначе зачем ему так стараться?

Шли месяцы, но между нами не промелькнуло даже облачка. Поначалу меня немного смущала та химия между Эдом и Илоной, которую они демонстрировали на экране. Пару раз сжалось сердце от их долгих поцелуев, показываемых со всех ракурсов и тиражируемых gif-ками в интернете. Но со временем отпустило. Если бы Эдику нужна была эта красавица, то он не летел бы после съемок ко мне – измученный, уставший, желающий в конце дня меня хоть на три минуты обнять. Он уже купил квартиру в центре, запустил там ремонт: к моему диплому и окончанию съемок его сериала как раз успеют закончить, тогда мы и съедемся. А то даже жаль звездного беднягу, которому приходится ко мне мотаться.

Намного больше Илоны, с которой мы успели хорошо познакомиться во время закрытых банкетов съемочной группы, меня напрягала растущая армия фанатов. Вот уж кто бесстыдно сходил с ума по моему парню! Иногда даже страшно было читать признания малолеток, которые чуть ли не сексом занимались с его фотографиями. Но скрывать не буду: я испытывала неопишемую гордость от мысли, что парень, в которого влюблены тысячи девчонок, на самом деле принадлежит только мне. Одногруппники даже скрыть не пытались зависть, но самые отходчивые смирялись и иногда подходили, чтобы тихонько попросить передать Эдику постер для автографа. Остальные твердо уверовали, что он зазнался, раз сменил номер телефона и перестал лично забегать в институт – поздороваться с бывшими сокурсниками. Им просто не понять, что к звездной болезни эти предосторожности не имели никакого отношения: они не видели, как прошлым летом фанатка рассмотрела его возле маленького кафе, содрала с себя футболку и пыталась пометить путем трения. Я хохотала до слез, но потом менеджер из агентства матами обругал нас обоих. В принципе, он совершенно прав: в другой раз фанаты могут вести себя более агрессивно, и не факт, что дорогостоящее лицо актера при том не пострадает.

Теперь уже вся страна называла его Эдом, как раньше обращалась только я, а мне захотелось, наоборот, начать называть его Эдиком. Это забавный факт: агентству еще в самом начале его настоящее имя – Эдуард Миклюк – показалось неблагозвучным, поэтому он превратился в «Эда Модестина». Но это ерунда в сравнении с трансформацией Илоны Ласковой – «Антонину Лаптеву» вообще до неузнаваемости перевернули. Тонька – так-то отличная девчонка, я это уже во время первой встречи поняла. Она простая, немного ошалевшая от неожиданной славы, но талантливая и трудолюбивая.

Она тогда три фужера шампанского накатила и достала меня своей пьяной исповедью:

– Знаешь, Светунь, это все неправда! Вот тут камера висит, почти в щеку тыкается. – Она показала левой рукой, откуда именно ей мешала камера. Затем подняла правую и направила палец сторону: – А оттуда светильник долбит, аж глаза слезятся. Вокруг толпа народу, режиссер заходится в очередном припадке бешенства, а мы должны смотреть друг на друга, как будто у нас страсть. Какая страсть, Свет, если я три дня нормально не ела? Но берем себя в руки и пашем... Я че сказать-то хотела? Ты от меня угрозы не чувствуй, нет от меня угрозы.

Честно признаться, до этой фразы я про угрозу и не думала, а теперь как-то заскребло. Но Тонька, оказывается, еще не закончила:

– У меня свой Эдик есть. Его зовут Слава, а не Эдик, но не суть... Я убью любую, кто в мою любовь своей грязной рукой влезет – и сама так никогда не поступлю. Настоящие чистые отношения в нашем кругу – это такая редкость, что можно в музее под стеклом хранить, подобным не разбрасываются. Да если мне придется выбирать между славой и Славой, то я выберу Славу!

Я не вполне поняла, что из «слав» она выберет, но прониклась. И почему-то сразу поверила. Тонька – точно такая же девчонка, как я, всего на год старше. Просто она оказалась в других обстоятельствах, но порядочный человек даже на пике популярности останется самим собой: так было бы со мной, окажись я на ее месте, так произошло с моим Эдиком. У них обоих немного крыша свистит от всеобщего внимания, но изначальная природа остается неизменной.

Проблемы начались много позже, когда я вообще перестала ждать беды.

Эдик заявился в воскресенье. Я уже готовилась к защите диплома, поэтому мы не договаривались о свидании. Хотя после таких длительных отношений он и не обязан меня предупреждать. Юркнул в маленькую кухню, уже давно здесь всем родной.

– Здрасьте, тетя Наташ, борщ варите? Чур я первый!

– Садись, Эдичка, – улыбнулась ему мама. – Ты почему такой худой стал?

Туда же заглянул и папа, махнул приветственно рукой и подхватил:

– Худой? Это называется дрыщ, Наташ. Худым он месяц назад был.

Эдик тяжело вздохнул, поглаживая дизайнерскую футболку в районе живота:

– Дядь Кость, честно говоря, я только у вас от души ем. Постоянно агент рядом стоит и калории считает. Я же теперь черный маг! Видели в последней серии, в какое дурацкое длинное платье меня вырядили? Такой костюм идет только длинным и худым. Агентство подумало и решило, что длиннее меня не сделает, поэтому теперь мне просто не дают есть. Тоньке приходится еще хуже – костюмерша ей талию сантиметров на десять ушила. Ей сказали: «Ты или худеешь, или не дышишь». Тонька не дышит уже вторую неделю.

– Это Тоне худеть надо? – всплеснула руками мама. – Совсем с ума посходили, у нее же одни косточки! Теперь хоть понятно, почему вы с ней в конце серии пять минут обнимались – друг друга держали, чтобы в обморок не грохнуться, да?

Эдик рассмеялся и посмотрел на меня ласково:

– Свет, а у тебя как дела с дипломом? Хотя ты умница – всех на защите порвешь. – Дождался, пока я с гордостью кивну, и попросил: – Подай, пожалуйста, сметану. Есть этот борщ без сметаны – преступление!

Он с удовольствием пододвинул к себе ароматную тарелку. А папа все еще торчал в проеме, ведь пока он ухажера не достал – а это наша семейная традиция:

– А сегодня-то чего приперся, бездарь? Опять Светку на ночевку отпрашивать? Вы давайте женитесь уже – и забирай ее насовсем, она нам тут давно надоела. Хотя я еще подумаю, выдавать ли за тебя единственную дочь. Ты же троечником в школе был, институт бросил – что ты вообще такое?

– Па-ап, – со смехом перебила я. – Эдик за последний год заработал в тридцать раз больше, чем ты за всю жизнь. А я диплом один на нас обоих получу, нам хватит.

Отец поморщился, как будто в самом деле прикидывал, сойдет ли ему такой зять, но я заметила, что Эдик застыл – даже ложку отложил. И, дождавшись, когда все перестанут весело препираться, заговорил тише и серьезнее:

– Я как раз из-за этого и приехал. Поговорить надо. – Он устремил свои зеленые глаза на мое лицо и обращался только ко мне: – Света, дело неприятное, но важное. Я не хотел тебя отвлекать до защиты, но агентство торопит.

У меня внутри все похолодело, будто от предчувствия, что он мне вот-вот предложит расстаться:

– Что случилось?

– Работа случилась, – он ненадолго замолчал, закусив нижнюю губу. – Рейтинги падают. То ли наши сценаристы выдохлись, то ли зрители уже просто от истории устали. Реклама пашет на максималках, а показатели падают. Наше с Тонькой агентство видит только один выход: накрутить шума. Мы с ней должны изобразить парочку в реальной жизни. Нас и так давно сватают, но надо подкинуть дровишек, чтобы опять обсуждали только нас.

– Звезданулся? – возмутилась мама. – Я у тебя сейчас борщ отберу!

– Мать, – сухо подал голос отец. – Передай-ка мне половник – я ему покажу, как больно рейтинги падают.

Эдик выдохнул и устало помотал головой:

– Думаете, мне или Тоньке этот вариант нравится? Нет, это просто задача, которую мы обязаны решить. Они уже подписали договоры на общую рекламу и «типа съемок из-за кустов ушлых папарацци». Мы должны заставить о нас говорить – перебирать о нас сплетни, писать о нас фанфики и искать подтверждения химии на экране, тогда зрители не отвалятся, а инвесторы снова станут счастливыми. Это ненадолго. Финал сериала должен занять первую строчку топа, тогда все будут довольны, а мы без новых ролей не останемся. Через пару месяцев после завершения изобразим, что расстались – тогда это уже не будет иметь значения. Свет, что думаешь? Тоня сейчас тоже к своему поехала – надеется, что Слава ее поймет. Мы не будем делать ничего, чего еще не делали на экране, это просто очередная роль.

Разумеется, мне было неприятно. Тоня и Эдик скрывали свою личную жизнь от фанатов – и это было оправданно в целях безопасности. Если его любят тысячи девчонок, то меня будут ненавидеть эти же тысячи девчонок. В его агентстве никогда не относились ко мне с презрением – наоборот, я была желанной гостьей и меня уважали как подругу их звезды. Но изображать другие отношения от них до сих пор не требовали...

Я сглотнула и произнесла твердо:

– А что мне думать? Как понимаю, вопрос уже решен.

Эдик поник:

– Решен. Причем даже без нас с Тонькой. Нас точно так же поставили перед фактом. Съемки рекламных коллабов уже завтра утром начнутся.

Мне осталось лишь развести руками. Я верила Эдику, не сомневалась в его верности и не хотела мешать его карьере. Но мои родители во время обеда уже разговаривали с ним сквозь зубы.

Через пару недель остыли и они, потому что между нами снова ничего не изменилось. Разве что на огромных баннерах я видела теперь не только лицо своего парня, но и рядом симпатичную мордашку Илоны Ласковой. Темное прямое каре ей очень идет – ничуть не меньше, чем парик из длинных рыжих волос в сериале.

Я удачно защитила диплом, разослала резюме и принялась терпеливо ждать и угадывать, какая же транснациональная корпорация окажется самой везучей и заполучит меня в свой штат. Везунчики пока звонками меня не донимали – стеснялись, наверное. Съехаться сейчас с Эдиком стало невозможно: мы вообще теперь скрывались тщательнее, чем раньше, нас ни в коем случае не должен был кто-то увидеть вместе. Я даже бывших одноклассников не стала убеждать: расстались и расстались, а они лишь удивлялись, что я после разрыва не выгляжу разбитой. Никакой печали и не было – откуда ей взяться? Мы с Эдиком ведь все равно отыскивали возможность провести вместе пять минут или целую ночь, превратившись в настоящих профи конспирации. Как и просчитали маркетологи, интернет заново зашумел, финал сериала взорвал топы. Теперь осталось выждать пару-тройку месяцев, чтобы Эдику «расстаться» с партнершей по съемкам – слишком быстрый разрыв насторожил бы всю фанбазу.

Это событие само по себе не было значимым, но оно привело к другому – и последствия уже стали более ощутимыми.

Телевидение запустило грандиозное реалити-шоу «Битва за любовь» с участием звездных пар. Эд Модестин и Илона Ласкова были приглашены в самую первую очередь – они как раз на вершине популярности и организаторам были нужны как воздух. Я уже привыкла, что мой парень изображает любовь с Тонькой, потому поначалу даже тревоги не испытала. Там такие гонорары, что даже реши он отказаться, я бы сама его уговорила! Многие селебрити, уже пережившие пик популярности, всеми правдами и неправдами пытались пробиться на шоу, а этим первым предложили!

Но потом я узнала подробности. Шоу долгосрочное – съемки планируются на четыре-пять месяцев. А российская локация организаторам не подходит: участников вывезут на тропический остров, чтобы о декорациях уже не беспокоиться. Этот проект обещал сокрушительный успех, ведь собирал в одну группу фанатов сразу сорока артистов, певцов, спортсменов и моделей. Любой, кто там засветится, в своей карьере поднимется высоко вверх.

Я все еще не сомневалась в Эдике, но расставаться с ним так надолго не хотела. Мы с первого класса не расставались больше чем на неделю! Я затосковала задолго до его отъезда, но впервые в жизни начала врать, глядя ему в глаза – притворялась, что ничего сложного в такой разлуке не вижу. Улыбалась, подбадривала и смешила, лишь бы не стать ему препятствием на пути к популярности. Но ведь это правда, которую я никак не хотела признавать: Эдик – ослепляющее солнце, а я на его фоне – полное ничтожество, которому положено хотя бы не мешать.

Глава 2

Я приехала на съемки промо-постеров, чтобы поддержать Эдика. В лофт-студии скопилось так много людей, включая селебрити, что пройти было сложно. Но я уже выработала некоторый иммунитет и не повизгивала от счастья, когда видела вживую топ-звезду кассового блокбастера или его молодую жену, которая ради этого проекта сошла с миланского подиума и приехала в Москву. Многие заметно были на взводе, но нас едва не сбила с ног Тонька – она остановилась перед нами и истерично заорала, как будто мы лично были виновны в какой-то беде:

– Она мне глаза криво накрутила, а волосы залакировала до пластмассы! Свет, посмотри только, как меня изуродовали!

Я ответственно присмотрелась к яркому макияжу и своим неопытным взглядом не увидела изъяна. У Тоньки темно-карие глаза и почти кукольное личико, обрамленное изящным каре. Свои волосы у нее роскошные – они уступали только ее съемочным парикам, где длинные локоны укладывались в какие-то произведения искусства. Девушке уже двадцать три, но в чертах до сих пор прослеживалось почти детское выражение: стоит ей немного надуть пухлые губки, как даже самый прожженный циник заплачет от умиления. Серебристое короткое платье обтягивало идеальную фигуру – она всегда одевалась стильно, но с этим нарядом явно работали профессионалы.

– Да вроде ровно, – неуверенно отозвалась я.

Эдик высказался категоричнее:

– Нормально все, перестань уже панику разводить!

– Панику?! – завопила Тонька теперь только на него. – Да эта гримерша меня ненавидит. Не иначе, твоя фанатка! Глаза разуй – криво!

– Тонь, у тебя просто глаза кривые, я не хотел тебе раньше говорить, – произнесено это было ласковым голосом, отчего еще обиднее.

– Да пошел ты!

– Сама пошла, – ответил Эдик беззлобно и посмотрел в сторону сцены для съемки постеров. – Когда там наша очередь?

Тоня очнулась от наваждения и сменила причину истерики:

– Ты еще даже не переоделся?! Беги к нашим, идиот!

Эдика у меня забрали, но я уже привыкла. Просто с интересом блуждала по павильону, рассматривала людей и пыталась вспомнить имя каждой знаменитости: если с актерами и поп-певцами у меня проблем не возникало, то спортсмены и модели чаще вызывали сомнения. Сюда были приглашены пары разных возрастов. Те, что постарше и давно популярны, уступают молодым только в текущем рейтинге, но в целом их фанатская база прочнее и проверена временем, в отличие от моих Эда и Илоны – если те сейчас пропадут с экранов, то их через пару лет могут благополучно забыть. Со мной вежливо поздоровался молоденький блогер: то ли с кем-то перепутал, то ли сам растерялся в этой звездной обстановке. Я деловито ответила и пошла дальше, гордо вскинув голову. Не буду же я объяснять ему, что я здесь никто и звать меня никак.

Наконец, Эдик и Тонька пошли к стенду. Моего парня облачили тоже в серебристое – деловой костюм-тройка, но сшитый из ненормально блестящей ткани с такими же стразами по отворотам, какие украшали подол платья его партнерши. Эта одежда смотрелась бы нелепо в отдельности, но когда они встали рядом на фоне огромного названия реалити-шоу, то сразу сложилась общая картинка. Я уже не впервые была свидетельницей магического перевоплощения: стоило Эдику притянуть Тоню за талию, а ей задумчиво улыбнуться, как между ними заискрилось пространство. Эту пару когда-то долго и тщательно подбирали для сериала – и

надо признать, что выбор сделан абсолютно точно. Лично я отдала бы им первый приз уже за этот промо-постер, даже никуда отправлять бы не пришлось.

Помощники и менеджеры их агентства передали подопечных фотографам и продюсерам шоу, встали полукругом, чтобы со стороны оценить результаты своих усилий. Я тоже пробилась на местечко в первом ряду – рядом с каким-то высоким парнем, которого на закрытых банкетах еще не видела, но по умолчанию отнесла его к той же команде.

Я смотрела на великолепную пару, которая принимала разные позы, а в их взглядах, направленных друг на друга, читалась самая настоящая страсть. И вдруг меня накрыло, даже глаза заслезились от напряжения. Вся страна думает, что они встречаются, но это неправда. Если я сейчас выйду на улицу и заявлю об этом во всеуслышание, меня закидают тухлыми помидорами и обвинят в зависти. Но неожиданный приступ ревности взорвался во мне, будто бы все эти месяцы я его просто сдерживала, а теперь внутренний замок сорвался. Я не имею права на эту ревность. Я не имею права на слабость – иначе точно потеряю своего Эдика. Мне не нужно убеждать себя в том, что между этими двумя никогда ничего не было, но уже скоро они улетят на тропический остров, где долго будут жить вместе, бродить по берегу лазурного моря, загребая голыми ногами белоснежный песок, бок о бок участвовать в веселых состязаниях и поддерживать друг друга в случае неприятностей. Сложно вообразить себе обстановку, более располагающую к романтике, особенно вдали от любимых. Не получится ли так, что Эдик вернется с этого долбаного реалити-шоу уже в другом настроении?

– Зачем она такие каблучки нацепила? – раздался задумчивый голос рядом. – Навернется с них – это как со второго этажа звездануться.

Действительно, Тоня сегодня была почти одного роста с Эдиком. Зато от этого ее стройные ноги казались еще длиннее. Думая, что недовольство выражает член ее команды, я не сдержала комментарий, приправленный еще и собственными недавними эмоциями:

– Как будто она сама их нацепила! Им же что в агентстве скажут, то они и делают. Эдик пальцем не может дернуть без вашего одобрения, а Илона разве добровольно надела бы такое платье? Если камера чуть опустится, то зрители рассмотрят ее ягодички. Фанаты думают, что они как в масле катаются, но у них нет свободы даже чувствовать, не то что действовать. Посмотрите, как вашу актрису перекосило, когда он ее в щеку поцеловал. Или это ее естественная улыбка?

Молодой человек не разозлился на критику их работы, а заинтересованно уставился на меня.

– Так ты и есть подружка Эда Модестина? Светлана, правильно?

– Ну да, – признала я, поскольку не было никакого смысла отрицать, раз он даже имя мое знает. Но одумалась и тихо извинилась: – Простите, я не хотела выказывать недовольство.

Он вдруг протянул мне открытую ладонь и представился:

– А я встречаюсь с Тоней. Добро пожаловать в клуб недовольных. Место президента уступать не буду, я его больше заслужил, потому что твоего Эда в такое же платье все-таки не вырядили.

Я резко выдохнула и уставилась во все глаза на Славу. Он очень замкнутый, закрытый от любого общения, поэтому ни на одной вечеринке не присутствовал. Я вообще мало что о нем знала – только то, что они начали встречаться за пару месяцев до появления Тоньки в сериале, но проверку популярностью их отношения прошли, раз они все еще вместе. Он вроде бы работает программистом или что-то в этом роде, немного старше Тони. Вроде бы ничего необычного я не увидела, но все равно была шокирована. Я как-то по умолчанию представляла его себе очкастым сутулым ботаником – очень умным, начитанным, но закомплексованным и тихим, раз он так тщательно избегал любых сборищ. У меня до сих пор вызывало уважение, что ярчайшая звезда Илона Ласкова из всех возможных кандидатов выбрала зажатого интеллигента с клавиатурой в зубах. Но теперь ситуация заметно прояснилась: этот молодой человек

не особенно уступал внешностью самому Эдику. Он так же высок, но не такой худющий – футболка с короткими рукавами подчеркивала, что время он проводит далеко не только за компьютерами, темно-каштановые волосы давно не стрижены – если там и предполагалась какая-то прическа, то от нее не осталось и следа, но прямой нос и правильные черты лица спасали общую картину. Однако внимание он привлек бы скорее золотисто-карими глазами, в которых сейчас читалась ирония, но даже она не скрывала хмурую сосредоточенность.

– Ты чего так смотришь? – он оценил мои восторженно распахнутые глаза.

– Да просто как-то на душе полегчало! – честно призналась я. – Появился шанс, что к тебе Тонька захочет вернуться не под ручку с моим Эдиком.

Он перевел взгляд снова на обсуждаемую пару и произнес спокойно:

– Надеюсь. А что нам с тобой еще остается? Не скакать же перед ними, размахивая руками и напоминая о себе. И если все развалится, то смириться и жить дальше. Лично я уже подхожу к границе усталости – вся эта напыщенная мишура, кому это надо? Если бы познакомился с Тоней после того, как она стала популярной, то вообще бы ее не разглядел за этими блестяшками.

Я снова удрученно поникла. Ему легко говорить – их короткие отношения ничто в сравнении с тем, что мы с Эдиком уже в первом классе за одной партой сидели. Я всегда готова быть рядом, отодвинуть на задний план собственные интересы и оказывать неизменную поддержку, но, боюсь, в какой-то момент этого станет недостаточно.

Исполнительный продюсер был в восторге от фальшивой парочки:

– Какие же пупсики! Им фотошопом только волосы поправим – у девочки столько лака, как будто там вообще не волосы. – Он поднял голову от монитора и крикнул вперед: – Эд, Илона, молодцы, вы свободны. Следующие кто? – Поскольку к стенду никакая пара не подпрыгнула, он прибавил громкости: – Ау, кто у нас последний? Не тянем время, ребята! – Ассистент подсказал ему фамилию, которую сразу узнали все присутствующие, а этому грозному мужику рупор был без надобности: – Семья Никитиных, вам особое приглашение нужно? Где их агенты?!

Эдик и Тоня обескураженно застыли, замороженные этими нервными криками, но потом покрались ближе к нам и своим помощникам. В это время вперед выбежал низкорослый кругломорденок мужичок лет сорока, цвет его лица балансировал между мертвенной бледностью и зеленой немощностью. Он что-то тихо сообщил главному, после чего случился взрыв – оказалось, что до того момента продюсер вообще не кричал:

– Да мне насрать на их развод! Пусть берут в руки свои изнеженные задницы и тащат сюда! Они актеры или хрены лысые?! Разведутся потом, когда договор отработают!

Бедный мужчина, принеший дурную весть, даже лицо неосознанно прикрывал, как будто боялся, что его начнут по щекам хлестать.

– Виталий Игнатьевич, они ни в какую. Думаете, я не убеждал? В два голоса орут, что заплатят неустойку, но на одном острове вместе находиться не будут.

Вокруг нарастали любопытные шепотки:

– Никитины разводятся?

– Ну надо же, они лет десять женаты. Звони в «Си-рекордс» – надо успеть под шумок записать душещипательный сингл.

– А в их программе будут рекаст делать? Тогда надо подсунуть Никитиной наш договор – она назло бывшему подпишет...

– Да что за непрофессионализм? Мы сейчас должны им сопли вытирать или работу работать?

Это все, что надо знать о шоу-бизнесе. В благополучной и всеми любимой актерской семье что-то случилось, у них самая настоящая личная трагедия, но присутствующие этот факт препарируют лишь на предмет прибылей и убытков.

Но хуже всех себя чувствовал Виталий Игнатьевич. Он в прямом смысле рвал на себе и без того редкие волосы и нечленораздельно выл, постоянно поворачиваясь вокруг своей оси. Ассистент сохранял хладнокровие и в паузах между воем предлагал варианты:

– Можем позвонить Варташиным. Они сейчас в Питере, но уже утром будут здесь. Еще к нам хотел попасть Егор Анченко со своей Оксаной, не помню как ее фамилия, но она очень фотогеничная – они вроде в столице, у Егора график концертов придется пересмотреть, но попытаться стоит... Или просто сократим количество участников?

Продюсер заорал на него, отвергая разом все варианты:

– Пусть Егорочка засунет Оксаночку в жопу и едет на свои концерты! У нас промоакция завтра стартует, время по минутам расписано! Тайминг первых эпизодов шоу в точности рассчитан на двадцать пар. Какой кошмар! Желаю Никитиным гореть в аду – в одном котле!

Жестоко. Не знаю, что на меня нашло: лютая смелость, нежелание расставаться надолго с парнем или приступ недавней ревности, но вся эта смесь привела к неожиданному для всех эффекту. Больше всего я сама и поразилась. Схватила Славу за руку, вздернула вверх и завопила:

– Мы можем их заменить! Какая вам разница, если тайминг уже расписан?

– Заменить Никитиных? – усмехнулся директор агентства Эдика и Тони.

Но внимание к себе я привлекла. Виталий Игнатьевич уставился на меня и свел брови, пытаясь вспомнить, в каком шоу или на какой сцене мог меня видеть. Конечно, безуспешно.

– А вы кто такие? – Он защелкал пальцами и, не оборачиваясь, переадресовал вопрос ассистенту: – Кто такие?

– Если мне не изменяет память, то никто, – вынесли нам бессердечную оценку.

Но мы с Эдиком не зря столько лет вместе – умеем угадывать мысли друг друга на расстоянии. Он тотчас сориентировался и вовлекся:

– Да, они непопулярны, но сейчас какая разница? Светлана снималась в нашем сериале – она в четырнадцатом эпизоде спиной стояла, присмотритесь!

– Спиной стояла? – скривился продюсер. – Эд, родной, у нас тут звездное шоу, а не выставка достижений сельского хозяйства. А второй кто? Старший помощник младшего оператора?

– Да! – воскликнула Тоня. – Как вы так правильно угадали? У Вячеслава большое будущее, а вы его раскусили с первого взгляда!

Виталий Игнатьевич смотрел на наши лица с таким видом, будто его вот-вот стошнит. Но в нашу защиту неожиданно выступил хладнокровный ассистент:

– А почему нет? Они в первых эпизодах мелькнут для смеха, зато сценарий не придется переписывать. Потом спокойно уедут домой. Представим как начинающих актеров второго плана, они дополняют атмосферу разнообразия состава. Да, они не приведут к нам фанатов, но Никитины тоже уже не приведут – так в чем разница?

Исполнительный продюсер успокоился, нехотя кивнул и гаркнул на трясущегося бледного мужичка:

– Ладно, Дмитрий Алексеевич, бери их под свое крыло, раз косяк за вашим агентством. Неустойку твои Никитины заплатят, но надо бы еще и хвосты подчистить.

– Безусловно! – воспрянул духом тот. – Все сделаю в лучшем виде!

Уже через пять минут нам всучили договоры – я подписала, не читая. Эдик свой читал мне вслух, потому ничего нового я там не увижу. Главным призом реалити-шоу объявлено пять миллионов рублей – это чтобы зрителей лишний раз гонорарами знаменитостей не напрягать. На самом деле некоторые участники в месяц зарабатывают больше. Но самое главное – платят за каждый съемочный день в шоу, а у меня как раз пока работы нет. Я мечтала поехать не из-за доходов, конечно, и загоревшиеся глаза Эдика подтверждали, что он тоже рад возможности не расставаться.

Но Слава, некоторое время пребывавший в полном оцепенении, вдруг начал артачиться:
– Мне это не надо. У меня работа. Да я вообще стараюсь держаться подальше от камер.

Тоня его уговаривала:

– Ты же все равно из дома свои сайты ваяешь – какая тебе разница, какой будет пейзаж за окном?

Я тоже подкидывала аргументов, боясь, что план сорвется лишь из-за его вредности:

– Ты пункт 4.2 видел? Даже если нас с тобой через неделю домой отправят – деньги лишними не бывают. Подзаработаешь!

Айтишник посмотрел на меня удивленно:

– Да я и так не жалуясь.

Окончательно убедили его не мы, а наш новоиспеченный менеджер Дмитрий Алексеевич. Он судорожно шептал одревеневшему парню Тони в ухо:

– Не хорони, Славочка! Это нервное чмо мне жизни не даст, если я сейчас не выкручусь.

Тот поднял на него свои пронзительные глаза и потребовал:

– Для вас я Вячеслав Сергеевич.

Менеджер даже интонацию не сменил:

– Не хорони, Вячеслав Сергеевич! Это нервное чмо мне жизни не даст!

Слава посмотрел на мою умоляющую мину, медленно и шумно выдохнул сквозь сложенные трубочкой губы и все-таки подписал. Нас сразу потащили к стенду, чтобы сделать фотографии. Ни один из нас не имел нужного опыта, мы встали в неловкую позу, завернули непослушные руки друг другу на талии, кое-как присобачили негнущиеся ноги. И почему-то пупсиками нас никто не называл.

– Капец, – вынес вердикт исполнительный продюсер после того, как это же слово десять раз произнес фотограф. – Этих проще вообще удалить и фотошопом с нуля нарисовать... Ладно, мы их для смеха берем, поэтому ничего ужасного, если над ними все будут смеяться. Сделаем вид, что все идет по плану... Ведь ничего ужасного, да?

Ассистент три раза кивнул, хотя было видно, что ему совсем-совсем не смешно.

Я была счастлива до одури – я еду вместе с Эдиком! Слава задумчиво хмурил брови и пытался осознать, на что именно подписался. Но даже самые худшие его ожидания оказались мимо.

Мы это поняли через полчаса, когда Дмитрий Алексеевич отвел нас в сторону, чтобы начать выполнять свою важную работу – как можно быстрее выдрессировать диких обезьянок.

– Ну-ка выше нос! На скепсис не обращайтесь внимания, врубите полный игнор. Вы от звезд отличаетесь только тем, что вас никто не раскручивал. Света, у тебя прикольная фамилия, потому немного сократим только имя – будешь Ланой Утяниной.

Я с удовольствием кивнула. Менеджер взялся за Славу:

– А вот «Вячеслав Вдовин» звучит как-то мрачно. Что же придумать?

– Я останусь Вячеславом Вдовиным, – отрезал парень.

Дмитрий Алексеевич закатил глаза, но подумал и признал:

– С другой стороны, ты и сам какой-то мрачноватый, потому сойдет. – Он принял решение и снова изменил тон на деловито-пафосный: – Дорогая Лана! Дорогой Вячеслав Сергеевич! Не буду врать, что вам будет просто – готовьтесь сожрать три тонны дерьма и позора. Но безнадежный результат не означает, что вам не надо стараться! Вылет уже в понедельник, слишком мало времени на подготовку. На острове все необходимое предусмотрено: жилье, питание, салоны, массажисты, костюмеры и гримеры. Попытаемся на месте догнать то, что не успеем дома. Лана, ты перекрашиваешь волосы в розовый!

Я в страхе отшатнулась и взялась за длинную прядь своих светлых волос, которые считала главным преимуществом внешности. Но менеджер был непреклонен:

– Ты видела, сколько блондинок в составе? На их фоне у тебя нет шансов быть замеченной. А розовый тебе пойдет. Яркость глаз усилим голубыми линзами, надо еще привыкнуть их носить. Вячеслав Сергеевич, тебя просто подстрижем и затонируем – держи визитку моего проверенного стилиста, он просто подчеркнет твои данные, но большие изменения пока не нужны. Потом по ситуации будем ориентироваться.

С этим Слава согласился:

– Зашибись. А то я все времени не находил, чтобы в парикмахерскую на углу дома забежать.

Оказалось, что это далеко не все. Дмитрий Алексеевич вдруг дернул руку вперед и попытался схватить парня за губу. Тот в ужасе отпрянул, а менеджер рывкнул:

– Ощерьтесь оба! Я уже заметил эту жуть, но хочу еще раз ужаснуться.

– Вы к зубам прицениваетесь? – понял Слава. – Мы вам лошади на продажу, что ли?

– Наконец-то, ты понял суть! – обрадовался мужичок. – Хоть отбелить успеем, на полную замену времени уже нет.

Все оставшиеся дни он таскал нас по стоматологиям, салонам и стилистам. Я не возражала – понимала на примере Эдика, что это изнаночная сторона профессии. Слава тоже помалкивал – раз уж подписался, то зачем теперь характер показывать? Однако по его глазам было заметно, что он пожалел о своем решении еще до того, как закончил выводить подпись на контракте. Ему вся эта шумиха поперек горла. Дома его ждут компьютеры, веб-разработки и товарищи в интернете – никакие моря и пальмы этой прекрасной жизни не заменят.

Мои родители были в полном шоке, но скорее в восторженном:

– Подожди, Свет, так мы, получается, теперь за тебя болеть будем, а не за Эдика? А ты не обидишься, что мы не будем за него болеть? А Эдик не обидится, если мы будем болеть за тебя?

Мне было неудобно смеяться, поскольку лицо стягивала косметическая маска. Я теперь каждый вечер с ног до головы обмазывалась бальзамами и кремами, чтобы успеть привести кожу в такой же порядок, какой был у остальных участников. Поэтому отвечать старалась без лишней мимики:

– Пап, да прекрати. Нас взяли только для массовки. Успеть бы хоть немного загореть под тропическим солнышком до того, как меня домой отправят. Потом вместе будем болеть за Эдика и Тоньку.

Эдик же сказал единственную фразу о происходящем:

– Свет, я даже не ожидал от тебя такой смелости. Это было так круто, что я тобой загордился.

Это была очень емкая формулировка, и в ней содержалась не только похвала. Ведь если глубоко задуматься, то Эдик, возможно, давно мечтал о том, чтобы я начала подтягиваться к его уровню, а не отсиживалась в тени. Он никогда не обвинил бы меня прямо – просто вырвалось в душевном комплименте.

Глава 3

Я ошалела от невозможной красоты. Перелет был долгим и мучительным. И бизнес-класс не спас: я от волнения почти сутки не могла сомкнуть глаза и завидовала знаменитостям, которые сразу взяли беруши и повязки для сна, почти мгновенно отрубаясь всякий раз, когда могли прижать спину к любой вертикальной поверхности. Но финальная точка путешествия того стоила! Я будто при жизни попала в рай: море оказалось совсем не того цвета, к которому я готовилась через экран монитора, легкий ветер пах солью и солнцем, пляжный песок серебрился, точно кто-то вручную подбирал песчинку к песчинке, чтобы добиться идеального сочетания.

Поначалу участников и съемочную группу собирались разместить в многоэтажном отеле в центре острова, но в последний момент передумали. Здесь можно было шелкать даже без подготовки сотовыми телефонами – и тогда безо всякой ретуши получились бы идеальные постеры, а отдельные бунгало для каждой пары создавали почти домашнюю обстановку. Представления не имею, с чьей точки зрения эти домики, расположенные прямо на воде, могут ассоциироваться с домом. Небольшой пирс вел от берега к полукруглой дорожке, из которой симметрично растекались симпатичные деревянные здания. Сами бунгало оказались небольшими: одна комната с двуспальной кроватью, ванная, но с другой стороны от входа простиралась терраса, нависающая прямо над лазурной гладью. Это далеко не уют в привычном смысле слова, это какая-то неземная роскошь, когда даже глазам больно от невозможности объять все совершенство. И очень сложно определить, чего хочешь больше: взлететь в безоблачное небо или нырнуть в чистейшую воду, которая от неба отличалась лишь бирюзовыми отблесками.

Но Дмитрий Алексеевич почти сразу запретил нам почти все: дайвинг, купание и все виды развлечений, часть из которых я даже не поняла из-за незнакомых слов. Так и выразился бесконечно ласковым голосом:

– Если вас ужалит медуза, то клянусь, что я лично отрублю вам ноги. Попробуйте только сгореть на солнце – и я живьем сниму с вас шкуру. Все ясно?

Мы со Славой переглянулись и кивнули. Сами понимали, что менеджер не от истеричности закидывает нас требованиями – он подписался позаботиться о нераскрученных лицах, но сможет это сделать лишь при условии, что лица будут пребывать хотя бы в свежем и исправном состоянии. В итоге Слава уселся за ноутбук, а я намазалась с ног до головы солнцезащитным кремом и помочила ноги в теплом море.

А вечером мы сидели вчетвером на террасе и, умирая от восторга, тянули слабоалкогольные коктейли. У меня от усталости уже глаза заворачивались, но я до последнего не собиралась спать – казалось, что стоит утром проснуться, как все происходящее окажется лишь сном. Тонька и Эдик выглядели куда бодрее. Их бунгало расположено в середине пирса, когда наше – самое последнее. Именно по этой причине решили собираться у нас, подальше от любопытных глаз.

– Красота! – протянула я.

– Красота, – согласился Эдик и нежно сжал мои пальцы. – Только долго сегодня не посидишь – на завтра по графику съемки коротких роликов на берегу. Поднимут ни свет ни заря.

– Да. – Тонька поморщилась. – Они уже устанавливают большие вентиляторы на берегу. Мне притащили платье из жемчужного шелка – симпатичное. Будут его красиво развевать снизу вентилятором. Примеры разбудят уже в пять утра.

– Во сколько? – раздался возглас сбоку. Все-таки Слава не уснул. Он завалился на шезлонг, уложил открытый ноутбук себе на живот и надолго притих, не мешая нам болтать и восхищаться видами. Но последняя новость заставила его очнуться: – Я не умею вставать в пять утра. Я до сих пор был уверен, что Матрица погружается только к одиннадцати.

Тоня рассмеялась и послала ему воздушный поцелуй:

– Не каждый ведь день будет такое – снимут и отпустят досыпать. У нас под финал сериала такой график съемок был, что для нас это самый настоящий отпуск. Эд, помнишь, как мы восемь сцен подряд переснимали, еще и от локации к локации носились?

– Очень размыто, – признался мой парень. – Я следующей ролью возьму зомби, чтобы примеров не мучить. Ладно, нам пора идти.

Он поднялся на ноги, но мне пока не хотелось заканчивать этот чудесный вечер. К тому же кое-что смущало, просто до этого момента икс я не давала себе труда задуматься, а теперь озвучила:

– Кровать одна, хоть и большая. Мы-то со Славой ладно – почти знакомцы, сделаем вид, что просто случайно упали рядом.

Эдик с удивлением глянул на меня и напомнил:

– Мы с Тоней тем более. Четырнадцать поцелуев на съемках, восемь – для папарацци, три полновесные постельные сцены. Если там и осталось что-то, чего мы еще не видели, то уже и смотреть не хочется.

Его напарница по сериалу аж поежилась:

– Я до сих пор не могу забыть, как мы с тобой на руинах замка черного мага друг с друга одежду срывали. Ты ведь тогда специально луковых колец нажрался, да?

Эд подбоченился и легко отразил претензию:

– От тебя после съемочного дня тоже не розами пахло. А помады было столько, что я еще неделю сытый ходил!

Мы со Славой на секунду переглянулись и промолчали, как будто обменялись сердечными уколами. Оба знаем, что к этим воспоминаниям надо относиться как к рабочему процессу, но ведь видели, сколько настоящей страсти было в той самой сцене на руинах замка – та химия вернула всех отвалившихся на время фанатов на место и заставила поджать пальцы на ногах в невыносимо сосущей то ли нежности, то ли зависти.

Эдик глянул сверху на мое лицо и внезапно предложил новый план:

– Постойте, а зачем нам расходиться? Здесь журналисты под каждым кустом не сидят. Я останусь в этом бунгало, а Слава пойдет с Тоней. Или наоборот. Тогда кровати еще и слишком двуспальными покажутся!

Всем четверым идея пришлась по душе. Но тут на нас обрушился град ругани:

– Ишь, чего придумали! Илона Ласкова, Эд Модестин, выметайтесь с нашей территории! Вы, вообще-то, из другого агентства и наши конкуренты!

«Конкуренты» вжали головы в плечи – они уже выдрессированы не спорить с менеджерами. Слава приподнялся и оглянулся, чтобы уточнить:

– Вы под столом, что ли, все время сидели, Дмитрий Алексеевич?

– Не твое собачье дело, Вячеслав Сергеевич! А ну быстро по постелям, иначе завтра круги под глазами будут!

Пришлось расходиться. Но переживать из-за того, что сплю рядом с посторонним парнем, не получилось – я уснула через полторы секунды.

Разбудили нас не в пять, а почти в шесть утра. Хрен редьки не слаще, особенно когда организм все еще не отошел от долгого перелета. Менеджер притащил какую-то зашуганную девчонку, которая говорила только на английском, хотя замечательно приводила в порядок мои волосы и делала макияж. А Дмитрий Алексеевич будто извинялся, раскладывая на кровати одежду:

– У нас с вами нет спонсоров. Агентство выделило бюджет, но сами понимаете – на вас никому не хочется тратиться. Будем справляться подножными способами. Скажите спасибо, что Лиз из местного салона согласилась помочь за копейки. С одеждой тоже не все идеально, но сойдет.

Я уже видела свое платье – длинный белый сарафан из плотного кружева. В принципе, довольно милый, хотя уже ясно: с жемчужным шелком Илоны Ласковой под вентиляторами он не сравнится. Немного велик, но в любом случае лучше, чем те платья, что я привезла с собой. Славу вырядили еще менее изысканно: в белоснежную широкую льняную рубашку и такие же штаны. Зато мои выкрашенные в розовый цвет волосы подкололи шпильками в весьма интересную прическу. Я очень сильно отличалась от других участниц, но притом в зеркале видела такую красавицу, которой раньше никогда не была – даже минимальное преобразование сделало из меня другого человека.

Дмитрий Алексеевич давал указания девушке на ломаном английском. Но когда перед ней усадили Славу, тот сразу понял суть их разговора:

– Что, простите, красить?

– Межресничку надо прокрасить! – припечатал его менеджер. – У тебя козырные зенки – их надо правильно презентовать.

– А где эта странная «межресничка» находится? – испугался мой напарник.

– Сейчас узнаешь, – Дмитрий Алексеевич сдаваться не собирался и закричал на помощницу: – Лиз, хани, ду ит! Сделай этого паршивца красавчиком, чтобы мы хоть немного здесь продержались!

Честно говоря, Слава и был красавчиком – такие даже на улице внимание привлекают. Но, к удивлению, после того как ему с боями слегка подвели глаза, он стал еще симпатичнее. У нашего менеджера взгляд профессионала, а у Лиз набитая рука: они не ошиблись ни в одном штрихе, и теперь золотистая радужка засияла еще ярче. Подопытному кролику еще бы начать улыбаться более расслабленно и естественно – и его уже никто не отличит от топ-актера романтического жанра.

По пути к съемочной площадке Дмитрий Алексеевич давал нам короткие распоряжения: по поводу графика работ, сегодняшнего ролика и дальнейших конкурсов, в которых мы обязаны не посрамить его честное имя – или хотя бы не сразу посрамить, если получится. Подробно остановился он на другом вопросе:

– Вы уже закрыли свои аккаунты в соцсетях? Агентство сегодня пришлет пароли от новых. Чтобы ни одного поста без согласования, понятно вам? Ни единой фотографии без ретуши!

Слава закономерно ответил:

– Пусть агентство и постит что им надо. Мы вообще можем не участвовать.

– Придется участвовать, звезда моя, – уже усталым голосом заверил агент. – Ты теперь лицо медийное, а интернет – твоя среда обитания. Раскрутим твою рожу в сети, тогда и здесь дела пойдут лучше. И не придется у костюмеров выпрашивать одежду, которую они выкидывать собирались.

– Зачем такие сложности, Дмитрий Алексеевич? – парень посмотрел на него своими слишком серьезными глазами. – Мы ведь только для клоунады приехали. Мы со Светой вряд ли из тех людей, кто всю жизнь мечтал стать блестящими фантиками.

– Вижу. – Менеджер остановился и посмотрел на нас обоих по очереди. – С первой встречи это было очевидно. И как раз из таких получают звезды первой величины. Я могу взять любого пацана или девчонку с улицы – нарядить, накрасить и научить членораздельной речи. Но харизма – это врожденный дар. Даже эта твоя неуместная хмурость играет на образ загадочного чувака, который постоянно о чем-то своем думает – и всем интересно узнать, о чем именно. У Светы образ невинной неизбалованной девчонки из соседнего района, к которой запросто можно подойти на улице и стать до конца жизни счастливым. Но чтобы зритель дошел до начинки, вначале необходимо создать фантики – иначе в современном шоу-бизнесе не работает. Вы уже вписались, так почему не выжать эту кошку до последней капельки?

Я покосилась на Славу и удивилась, что он быстро смирился и нехотя кивнул. Наверняка подумал о том, о чем и я: мы не мечтали о популярности, но так вышло, что для наших вторых половин – это главная цель. Если хотим остаться рядом с ними, то нужно не только узнать об их работе изнутри, но и самим немного обрасти лоском. Тогда нас уже не будет выворачивать наизнанку, когда увидим очередную страстную сцену на экране – на своей шкуре проверим всю фальшивую подоплеку, скрытую за камерами.

Ролик запланировали всего на полминуты, ничего особенного – короткая визитная карточка для представления участников. Нас снимали в числе последних, кое-кто из звезд топтался среди зрителей.

– Ребята, вы в своем уме?! – звонким голосом закричала известная актриса позапрошлого десятилетия, державшая под руку своего знаменитого мужа-режиссера. – На ней платье ведь не сидит, размер не тот! Дайте полчаса, я своим девчонкам скажу, чтобы подогнали!

Виталий Игнатьевич, чье лицо наполовину затеняли широкие полы панамы, нервно отмахнулся:

– Маргарита, на это нет времени. Эта пара у нас тут все равно для равного количества.

Но женщина выскочила вперед и затрясла перед его носом кулаками, увешанными серебряными цепочками:

– И что, тогда можно халтурить?! Я сюда побеждать приехала! А не побеждать бедную девчонку в дешевом сарафане на два размера больше, чем нужно! У меня фанатская база такая, что вам и не снилась – они каждую деталь заметят и скажут, что мы с Игорем выиграли у каких-то сельских коров, а не звезд!

Виталий Игнатьевич понуро пробурчал себе под нос:

– Именно из-за вашей фанатской базы мы вас и пригласили. Если бы отбирали по характеру, то вы шли бы в конце списка.

Маргарита не обратила на его ворчание никакого внимания. Она подалась к нам, злобно развернула меня, вытащила из волос заколку и умело подхватила ею ткань на спине. Отошла на шаг, оценила:

– Так лучше, хотя бы на талии сидит. Теперь надо ракурс выстроить. Эй ты! – она закричала на паренька с камерой. – Снимай оттуда, у нее левая сторона рабочая. – Актриса перевела взгляд на Славу и ему тоже уделила долю агрессивного рыка: – Чего встал столбом? Прикрывай халтуру! Руку сюда! Ты чего застыл, как будто ее боишься? Але, где их агентство? Мы в ролике целуемся или нежно смотрим друг другу в глаза?

– Раскомандовалась, – сокрушался в стороне исполнительный продюсер. – Дмитрий Алексеевич, иди рули, ты же их агентство, а то эта психопатка не угомонится!

Наш слегка побледневший менеджер отреагировал незамедлительно:

– Несколько шагов по берегу моря, потом поцелуй в щеку.

– Свою бабулю в щеку целуй! – Маргарита решила и за него, и за нас. – Как пацана звать? Хотя все равно – вас, новых звездулек одной роли, всех не запомнишь. Короче, ладонь ей на щеку – как раз прикроешь эту жуткую серьгу – и засоси так, чтобы даже мне не стыдно было вам проиграть! Хотя все равно проиграете, но хоть не придется перед собой за это извиняться.

Мы не то чтобы возражали... Нет, мы были даже благодарны за равнодушие. Нервная актриса за две минуты сделала для нас больше, чем исполнительный продюсер за все время. Но целоваться не планировали. Шоу посвящено любовным отношениям, в итоге этого не избежать, но не в первый же день!

Слава наклонился ко мне и застыл, в его глазах я видела обескураженность, которая обуревала и меня. Но ведь сто раз уже проходили на других примерах – это просто работа! А если взялся за что-то, то делай по максимуму! Но было видно, что парень прямо сейчас начнет сопротивляться – он часто сопротивлялся общему решению и продавливал собственный интерес. Я положила пальцы ему на шею и потянула на себя, угрожающе шипя:

– Целуй давай. Тяни свои противные губы, закрывай глаза и впечатывайся в меня! Языком шеруди, как получится. Тебе сколько лет, что я тебя таким простым вещам учить должна?

Рядом – практически дыша мне в затылок – прошептал воздухом голосом Дмитрия Алексеевича:

– Вот эту фразу уберем, музыку наложим. Целуй ты ее уже, а то я сам!

Слава покосился на мои губы и на этот раз решил сдаться. Он наклонился медленно, прикоснулся. А потом закрыл глаза и поцеловал, приоткрывая рот. Волю языку он не дал, но от сумасшедшей нежности у меня буквально подкосило ноги. Его губы были теплыми от солнца, а движения настолько правильными, будто мы полгода этот поцелуй репетировали.

– Видали?! – заорала Маргарита со спины. – Аж мурашечки! Ты чего стоишь, кретин, снимай крупный план! Добавим в шоу немного натуральной искренности! Хоть кого-то из молодежи сюда пригласили, кто на самом деле друг от друга тащится!

Исключительно в целях исторической справедливости стоит добавить: не только у нее по рукам побежали мурашки. Если бы не слой тонального крема, то все заметили бы, как мои щеки розовеют. Поцелуй не длился слишком долго, он не был излишне откровенным, наши языки ни разу не соприкоснулись, но во всем теле появилась слабость. Причиной тому было накатившее волнение. Не говорить же при всех, что я ни разу в жизни ни с кем не целовалась, кроме Эдика. Не целовалась и не собиралась! До сего момента я даже ни разу не задумывалась о том, как целуются другие парни. А теперь пришлось собственной шкурой на губах невольно сравнивать.

Слава отодвинулся от меня, еще более растерянный, чем до поцелуя. Но его сразу пихнул в спину менеджер:

– Теперь снимаем несколько шагов по берегу. Потом поменяем кадры местами. Разувайтесь! Камеру вперед и влево, чтобы талия Ланы выглядела тоньше!

Маргарита с мужем снимались после нас, но там ничья диктатура и не требовалась – актриса нагло командовала, что делать и откуда направлять камеру. Ей бы самой режиссером становиться, нагло подвинув с пьедестала молчаливого супруга с каменными нервами.

Итоговый ролик мы увидели уже на следующий день, но и без отзыва Дмитрия Алексеевича знали, что получилось весьма неплохо. Дальнюю съемку пропустили через фильтры – и мы оба будто светились, когда шли по берегу, переплетя пальцы. А на поцелуе оба отвернулись от экрана и уставились в разные стороны, не желая принимать участие в оценке результата. Тонька присвистнула. Эдик уставился на меня такими глазами, как будто никогда не сидел со мной в первом классе за одной партой:

– Свет... даже мы целоваться не стали. Наше агентство посчитало это лишним в самом начале шоу...

Я виновато глянула на него и начала извиняться непонятно за что:

– Да там эта Маргарита Ивановна была... Как-то все понеслось, закрутилось...

Слава меня поддержал:

– У нее энергетика бешеной собаки, даже я растерялся. Забейте. И учтите, она победу в этом шоу себе зубами выгрызет, вы в сравнении с ней слепые котятка.

Эдик с Тоней лишь пожали плечами и запросто переключились на новую тему. Ну поцеловались и поцеловались, к чему теперь эта неловкость? Смогли же мы потом улечься спать на одну кровать, отвернувшись друг от друга. Наши вторые половинки подобные сцены по три раза в день проворачивают!

К тому же нам некогда думать о таких мелочах. Подготовительный этап закончен, впереди нас ждет жесть в виде глупых соревнований, бесконечных интервью и интернет-стримов, которые прописаны в договоре. Надо было все-таки его прочитать, а не подмахивать не глядя.

Глава 4

Журналистка заметно расслабилась, когда в кабину вошли мы со Славой – перед нами она не испытывала трепета, не опасалась, что получит в лоб за несогласованный вопрос. Да она нас вообще впервые видела! Оттого и улыбалась так спокойно, будто старых друзей повстречала.

Дмитрий Алексеевич заранее провел для нас подробный инструктаж, но от волнения мы вспомнили только один пункт – взяться за руки. Схватились скрюченными пальцами друг за друга и в панике усталились на модные очки изящной женщины. Наш менеджер встал за ее спиной, чтобы не попадать в ракурс съемки. Начала она очень приветливо:

– Я рада представить зрителям следующих участников реалити-шоу «Битва за любовь» – Лану Утянину и Вячеслава Вдовина! Добрый вечер!

– Здрасьте, – прохрипел Слава.

Я была более красноречива:

– Добрый!

И лицо целиком растянула в улыбке. Улыбку моего напарника вряд ли вообще в этой жизни кто-то видел – он в принципе не умеет улыбаться, только криво ухмыляться. Так, все идет отлично! Мы справились! Не провалились сквозь землю и даже звуки из себя выдавить смогли. Но волнение почему-то только нарастало.

Журналистка выглядела дружелюбной:

– Какая здесь райская обстановка, правда? Вам сейчас вся страна, наверное, завидует. Я уж точно! – она широко улыбнулась и продолжила: – Вы оба – малоизвестные актеры, но уже стали участниками...

Перебивать нельзя – я это и без Дмитрия Алексеевича знала. Но женщина была такой милой и хорошей, что я просто не смогла промолчать – а как еще избавиться от волнения, если не притвориться, что тебе тоже легко говорить обо всем подряд?

– Малоизвестные? Спасибо за комплимент! Нас вообще никто не знает, мы настолько статисты, что нас даже в титрах не упоминали!

Наш менеджер за ее спиной судорожно замахал руками, призывая меня заткнуться. Я ляпнула лишнего? Но интервьюер ничуть не напряглась, а наоборот, рассмеялась и продолжила допрос:

– Лана, не нужно скромничать! Но в чем-то ты права – многие ваши соперники более известны. В связи с этим, как вы оцениваете свои шансы на победу?

Поскольку я уже высказалась, то есть свою часть работы выполнила, теперь пришлось отвечать Славе:

– Шансы на победу? Я даже чемодан не разобрал – вот примерно так я оцениваю наши шансы.

Дмитрий Алексеевич перестал махать руками и вцепился в волосы. А у журналистки изменился взгляд – из легкомысленно-веселого он вдруг сделался пронзительно-хитрым.

– Вы прошли кастинг в самый ожидаемый проект года, обойдя плеяду более успешных коллег – а это означает, что вас посчитали достойными. Интересно, что я сейчас вижу: ложную скромность или незамутненную искренность? Тогда простите за бестактный вопрос, зачем вы вообще приехали?

Почему интервью такое длинное и сложное? Видимо, снова настал мой черед отвечать. А правду ведь не скажешь! Но я неожиданно вспомнила интересные фразы, сказанные мне из лучших побуждений, часть из которых можно и процитировать:

– Мы хотим показать зрителям, что хмурый парень и девочка с улицы тоже чего-то стоят! Что никакие розовые волосы и ровные стрелки суть человека не меняют. Гнилую натуру за

белыми зубами не спрячешь! А преданность и честность перед самим собой стоят больше фанатской любви и всех гонораров.

Что-то из этого точно было лишним – случайно вылетело. После моего пафосного ответа Дмитрий Алексеевич, так и не выпуская пальцев из редкой шевелюры, рухнул на пол. Журналистка даже не вздрогнула и не оглянулась, чтобы проверить, для какой цели тот катается по полу. Зато ее глаза загорелись, а губы растянулись в улыбке, из которой как раз заблестели фаянсово-белые зубы отшлифованными бриллиантами:

– Очаровательно. То есть вы своих фанатов не уважаете?

– Уважаем, конечно! – честно призналась я, для убедительности прижав руку к груди. – У меня их двое – мама и папа.

Менеджер с пола завыл. Наверное, самое время мне навеки умолкнуть. Женщина, оставив меня в покое, начала донимать Славу, и он вроде бы грубую чушь не порол:

– Познакомились два года назад на кастинге в мюзикл, любовь с первого взгляда. Мы тогда роли не получили, но выиграли нечто более стоящее – друг друга.

Вот это было сказано дословно из инструктажа – идеально! Прозвучало бы чуть более идеально, если бы не таким монотонным голосом. А вот следующий вопрос поставил Славу в тупик, он нахмурился:

– Первое состязание? Через неделю?

– Разумеется! – подсказала журналистка. – Поделитесь планами, какой номер вы представите на творческий конкурс?

Точно же, первым соревнованием должно быть какое-то парное выступление – мы пока это еще не обсуждали. Нам попросту было страшно начать его обсуждать. Журналистка не потерпела длинной паузы и поторопила:

– Уже есть наметки, или хотите сохранить в секрете? Хотя бы общую мысль подкиньте – песня, танец, театральная постановка? Зрители сгорают от любопытства!

– У меня сейчас только одна мысль, – сдавленно ответил Слава. – Хорошо, что я не разобрал чемодан...

Дмитрий Алексеевич как раз успел вернуться из обморока, вскочил на ноги и запричитал:

– Это юмор! Они юмористы, разве не видите? Стендаперы!

Он некоторое время пререкался с журналисткой, но победил – его появление из засады в эфире вырежут, а после мы просто попрощались и были отпущены на свободу. У меня даже лоб вспотел от напряжения, но я была счастлива, что все закончено.

– Ну как, Дмитрий Алексеевич? – уже снаружи позвала я.

Менеджер воззрился на нас обоих бешеными глазами:

– Чудовищно! Вы вообще меня не слушали?! Разве можно говорить то, что думаете? Кто вас вообще такому научил?! Я вас обоих...

Слава прервал его ожидаемые угрозы вскинутой рукой:

– Что, в угол поставите? Зашибись. Я как раз надеялся на тишину и спокойствие. Света, пошли уже вместе в угол постоим – я за эти пятнадцать минут до смерти вымотался.

Я ощущала себя так же: меня как тряпку до остатка выжали. И что такого ужасного мы сказали? Вроде бы получилось неплохо. Волновались только заметно, но это новичкам прощительно.

Через три дня Дмитрий Алексеевич остыл. Он прибежал в наше райское бунгало и ворвался без стука. Слава как раз валялся на кровати с ноутбуком на животе и что-то лениво дизайнил, а я лежала рядом и с интересом наблюдала, как творится эта магия. Менеджер не стал дожидаться, когда его подопечные вскочат и начнут бить челом об пол – по счастливому совпадению, мы и не собирались. А голос его зазвучал с задором:

– Уже видели? У вас просмотров в три раза меньше, чем у Модестина и Ласковой! Всего в три раза – это триумф! Комментарии не читайте – не выдержите, а вот ролик почти завиру-

сился. А может, в этом и будет наша фишка? Выставим вас искренними дебилами – люди такое не лайкают, но смотрят.

Я насупилась:

– Дмитрий Алексеевич, выбирайте выражения. Я вам не дебилка – у меня золотая медаль и красный диплом. А неумение общаться с публикой с умом не связано.

Слава, не отвлекаясь от монитора, поддержал:

– У меня синий диплом. Зато в клиентах восемь онлайн-школ и два маркетплейса. Назовите меня дебилком снова – я ваши банковские аккаунты взломаю. Потом еще у меня будете на карманные расходы клянчить. Мне один перец заплатить отказался – до сих пор над кредитной историей плачет.

Менеджер не испугался, а заинтересованно уточнил:

– А что, такое действительно можно сделать?

Слава поднял взгляд, несколько секунд многозначительно молчал, а потом произнес вкрадчиво:

– Нет. Как вы могли такое подумать?

После такого ответа даже мне страшновато стало. Пустая, ничем не подкрепленная угроза, но лично я теперь никогда не назову Славу «дебилком», даже если очень приспичит. Айтишники – это особый сорт неизведанного злодейства: никому извне не под силу понять, на что они способны. Я быстро определила, на чьей стороне будет победа, и выбрала верную:

– Во-во! Не ругайтесь на моего Славу – он у меня ух! Даже с непрокрашенной межресничкой Пентагон нагнет, но это не точно. Хвалите нас, что Эда с Илоной в просмотрах догоняем!

– Ишь как зазвездились, звездули мои! – Дмитрий Алексеевич сладенько заулыбался и вспомнил, зачем вообще сюда пришел: – Самое время начать разучивать какую-нибудь песенку. Про творческое соревнование помним? Шпагат кто-нибудь умеет делать? Расшпагадимся на припеве!

Настроение тотчас испортилось. Слава отставил ноутбук на кровать и вытолкнул менеджера из нашего домика, увещевая:

– Мы что-нибудь придумаем. Но лучше без вас. Не особо хочу расшпагачиваться на припеве.

– Знаю я, что вы придумаете! На каком рейсе быстрее свалить! – не поверил он в наши благие намерения.

А свалить уже действительно хотелось. Разлука с Эдиком уже не выглядела таким страшным делом в сравнении с этими ежедневными нервами. Но на самом деле это была минутная слабость – нельзя сдаваться так сразу, потом всю жизнь будешь жалеть, что не хватило характера остаться в этом раю подольше. Вот Славу и раньше нельзя было обвинить в избытке боевого запала – а теперь, когда ему маячило клоунадничать на сцене, он совсем перестал разговаривать.

– Слав, ну Слав, – убеждала я, по-щенячьи заглядывая снизу ему в глаза. – Давай хоть что-нибудь изобразим? Споем, чтобы от нас отстали.

– Споем? – он после долгой паузы все же подал голос. – Света, я реально не умею петь.

– Я как будто умею, – помрачнела я. – А Эдик в хоре пел...

– А Тоня музыкалку по классу вокала окончила, – угрюмо завершил он. – Мы уже на их фоне опозоримся. Это если не считать, что там профессиональных певцов треть участников. Что еще ты не умеешь?

Я припомнила:

– Я в танцевальный кружок в институте ходила. На трех концертах выступала – правда в заднем ряду стояла, но руководитель на меня сильно не ругался.

– Блестяще, – непонятно чему обрадовался Слава. – Сойдет. Короче, ты будешь танцевать, а я музыку подберу и хлопать буду громче всех.

– Хочешь, чтобы я одна позорилась? – догадалась я.

– Именно. А есть другие варианты? Я танцами не занимался, песни в душе под нос не мычал, даже на институтские концерты зрителем не приходил – настолько всегда был далек от любых проявлений художественной самодеятельности. Из моего безоблачного антитворческого детства можно припомнить полгода в кружке занимательной математики, три месяца чудес физики, отбитый молотком палец на уроке труда, понемногу всякая азиатская борьба – с пацанами за компанию бегал. А, ну да, мы как раз после тренировок в пятом классе доставали очкастых скрипачей – они очень смешно пугались, когда на них из темноты тупые дзюдоисты выпрыгивали. Один от страха мне футляром в лицо зарядил – три шва наложили, шрам на брови остался. Я тогда перевоспитался, бросил дзюдо и записался на карате. Нужно еще что-то добавлять о моей любви к искусству?

– Здорово! Покажи! – я решила, что где-то здесь надо искать выход.

– Отбитый палец или шрам? – не понял он.

– Да забудь ты о своих шрамах, школьный хулиган! Карате это свое покажи!

Слава прищурился:

– Света, ты предлагаешь мне на сцене тебя избить? Нет, мне-то все равно, но как-то перед твоими двумя фанатами неловко.

Путем долгих споров мы все-таки сформировали общую концепцию. Она была ужасна, но содержала неоспоримое преимущество: такого другие участники точно не учудят, поэтому позориться мы будем сами по себе, а не в сравнении. После этого Слава подошел к двери, распахнул и вздрогнул:

– Дмитрий Алексеевич, вы меня пугаете. Все два часа здесь торчали?

– А куда мне деваться? – менеджер юркнул под его рукой обратно в бунгало. – Как только вас с шоу уволят, мне тут тоже делать будет нечего.

Слава как раз и собирался его позвать, а теперь перешел к теме дня:

– Значит, вы и так все слышали, пересказывать не нужно. Что думаете?

Мужчина болезненно потер лысинку на голове:

– Думаю, что вы разорите меня на реквизите. Где все необходимое взять?

– Уж возьмите где-нибудь! – принялась и я уговаривать. – Для красоты картинки очень нужны парики – длинные черные волосы, на старинный китайский манер собранные сверху заколками. Без них совсем не то будет!

– Да, и одежда, – подсказал Слава. – Мужское и женское платье.

Менеджеру не нравилась затея все сильнее:

– Знаешь, мужские платья сейчас настолько не в моде, что наше шоу могут прикрыть.

– Да я про исторические костюмы говорю. Ханьфу какое-нибудь, или ханбок.

Дмитрий Алексеевич с озадаченным видом упал на кровать и вздохнул:

– Хань-фу на тебя, Вячеслав Сергеевич. Ты же понимаешь, что у нас бюджет ограничен? Вы тут только для массовки – у вас ни спонсоров, ни поклонников. Белые халаты сойдут?

– Хоть черные, – смилостивился мой напарник. – Только не халаты, а ханьфу.

– Да в чем разница-то?! – менеджер снова начал раздражаться.

– В скорости слива ваших персональных данных в спамерские базы.

– Чего?! Ты снова угрожаешь?

Очередная многозначительная пауза и тот же ответ:

– Нет. Как вы могли такое подумать?

– Ладно, – отмахнулся Дмитрий Алексеевич. – Пойду по костюмерным побираться – авось кто сжалится. Но это вряд ли, поэтому начну шерстить местные магазины. Зачем мне спать, действительно? Дома выплюсь, когда меня уволят.

Он убежал выполнять свою работу, а я тронула Славу за плечо и попросила:

– Не тирань ты его, он самый настоящий лапочка. Очень старается.

– Да, я вижу, – согласился парень. – Ты ведь понимаешь, что мы после первого тура и вылетим? Но не хочется, чтобы Тоня решила, что я даже не пытался. Тебе не кажется, что мы ради любимых свою природу ломаем?

– Кажется, – согласилась я без труда. – Но за что еще в этой жизни бороться, если не за любовь?

Он зевнул и поплелся на террасу – тамошний вид стоил всех жертв. Проговорил тихо, уже открывая большие створки во всю стену:

– Странно как-то. Когда мы с Тоней познакомились, все с первого дня стало легко и прозрачно: не притирались, не искали точки соприкосновения, не ломались и не играли роли – просто были вместе и радовались. Сначала изменилась она – стало сложнее. Но проблема была не в ней, а в том, что я будто превратился в якорь, который ей только мешает. Теперь меняюсь я – как будто собираюсь стать для нее вторым Эдом Модестиным. Эта «Битва за любовь» так залакирована, что и саму любовь хрен нащупаешь. За что воюем-то? За слой мутного трэша под блестками? Или за право продолжать их тормозить?

Вот в этом весь он – угрюмый пессимист, сам себе на уме. Ему уже, видите ли, даже любовь – не самый ценный приз! Ну да, наши вторые половинки от популярности изменились, но они не могли совсем не измениться. И мы действительно не сумеем так же сиять рядом с ними. Но не отказываться же от них только по этой причине.

Глава 5

Мы тренировались постоянно – и так слишком поздно спохватились. Вечером Слава ушел в душ, а я вспомнила о необходимости записывать стримы. Поскольку мой хмурый напарник вряд ли на прямые эфиры в интернете согласится, я решила хоть что-то тянуть за нас обоих – авось зачтется. Дмитрий Алексеевич подробно объяснил, что делать, но не открыл главного: о чем вообще говорить? Другие звезды давали советы по стилю, макияжу, питанию и фитнесу, кто-то просто рассказывал о своем дне, пел или танцевал. Но им сложнее – их-то на самом деле смотрят! А я могла нести какую угодно чушь, не опасаясь критики.

Настроила камеру, показала наше бунгало, долго восхищалась видом заката, отраженного в море. Видимо, покрасневшая лазурь была настолько впечатляющим зрелищем, что через пятнадцать минут к моему каналу подключилось целых три зрительницы. Я поначалу заволновалась, но ничего ужасного не происходило: наоборот, стало чуть проще, когда они начали спрашивать о том, как нас здесь кормят и почему я все еще не являюсь обладательницей золотистого загара. Вопрос, как две выскочки прорвались на самое масштабное реалити-шоу года, я проигнорировала. Зато даже эти трое смогли сцепиться и организовать мини-ругань: назвавшая нас «ничтожествами» мигом прохватила неотразимый аргумент: «Сперва сама добейся!» Третья ничью сторону занимать не стала, а поинтересовалась у меня секретами настолько естественного макияжа.

Ну вот и тема! Я деловито объясняла:

– В общем, у нас тут нет личных визажистов. Местная девушка прибегает и помогает перед съемками. Разгадка такого натурального мейкапа в том, что сегодня она не забегала... а я вообще не додумалась косметику прихватить.

Первая комментаторша тут же сменила русло своего негодования, написав: «Оно и заметно! Я лучше выгляжу, чем Лана Утянина! Кто ты вообще такая?». Вторая снова к ней прицепилась резонным: «Так скидывай фото – заценим! А то все вы на словах красоты, а на деле – диваны воронежские!» В общем, компания у нас подобралась душевная и самостоятельная: тут у нас и ведущий, и раздраженная оппозиция, и равнодушные, и те, кому просто надо до кого-нибудь докопаться. Купленных отзывов только не хватает – Дмитрий Алексеевич обещал, что организует, когда меня будет смотреть больше десяти человек.

Перед моим лицом на изображении мелькнула рука – Слава уже вышел из душа и поставил на столик высокий стакан с ананасовым соком. Я благодарно кивнула и показала пальцем на экран, предупреждая, что подключена к прямому эфиру. Русло комментариев тотчас изменилось:

«Ой, это Вдовин?»

– А кто же еще? – с улыбкой ответила я. – Мы ведь самая настоящая любящая пара!

«Пусть тоже покажется! Такой хорошенький!» – с кучей сердечек после восклицательного знака.

«Что он в тебе нашел, дура крашенная?» – с кучей блюющих смайликов после вопросительного.

Слава показываться не собирался, но наклонился немного ко мне – в камеру только часть голого плеча попала и прошептал:

– Арбайтен не ждет.

Видимо, девчонки решили, что застали кадр из романтической сцены. Я писк даже в буквах расслышала:

«Как мило!»

Пришлось быстро попрощаться: я широко улыбнулась и поблагодарила всю троицу за присутствие и активное участие, попросила подписаться на мой канал. Таким образом, с уче-

том мамы и папы у меня было бы уже целых пять подписчиков, но маме и папе я так и не смогла объяснить, как подписаться на мой канал. Закончила стрим, порадовавшись, что первый блин оказался не таким комом, каким мог бы.

Слава уже напялил на влажное тело футболку и был готов пахать на общий результат – я очень благодарна ему, что не всегда артачится и в самых важных пунктах демонстрирует чудеса ответственности. Начало номера мы уже неплохо выстроили и почти отрепетировали – выглядело сносно. Реквизитных мечей у нас пока не было, но менеджер принес нам две палки для тренировок. Восприятие будет очень сильно зависеть от музыки, и этот вопрос мы закрыли на сто процентов. Кто-то из приятелей Славы смикшировал нам мелодии, добавив в начало ударных для напряжения, середину смягчил для перехода боя на танец, а в конце снова усилил накал, но уже в мажорном, а не минорном ключе. Нам бы еще соответствовать такой отличной музыке – всех бы порвали.

Сейчас занимались без саундтрека, надо было отшлифовать детали и придумать нормальную середину. Идея какой-то магической борьбы с переходом в романтический танец в задумке выглядела намного интереснее, чем на практике. Скрещиваем «мечи», отступаем, другой удар уже по косо́й – Слава отклоняется, я выбрасываю вперед руку, сложив пальцы в подобие колдовского жеста – из моей ладони полетят привязанные струйки новогоднего дождика или чего-нибудь, что нашему менеджеру удастся достать. Удар как будто прилетает Славе в плечо – он падает на руки, теряет меч, но с разворотом поднимается и бьет меня ногой: в смысле проводит ногой над моим отклонившимся телом. На мой вкус, это самый красивый момент из нашего номера. Но партнеру постоянно что-то не нравилось:

– Свет, отклоняйся сильнее. Или не ори, если я тебя в нос ударю. Учти, что у ханьфу длинный подол – ткань пройдет по твоему лицу.

– Ладно, попробую, – я уже вспотела и сдувала запутавшиеся пряди с покрасневшегося лица.

Теперь очередь Славы для «магического удара»: одну руку он полукругом ведет снизу, вторую – сверху, соединяет перед грудью, открытые ладони прижаты запястьями горизонтально, делает резкий толчок вперед. Я должна красиво дернуться, взмахнуть руками, развернуться и рухнуть спиной в его руки. Первые пару раз он меня ловил очень больно, но потом мы приспособились – я уже почти не боялась падать.

До этого места мы все придумали более-менее складно, а дальше бой должен был перерасти в танец – и мы никак не могли согласовать шаги, перебрали уже кучу движений, но все они смотрелись нелепо.

– Света, я танцевать не умею, – уже в который раз напомнил парень. – Могу руки положить куда надо, в самом крайнем случае шагнуть один раз в сторону. Потому ты танцуй, а я постараюсь хотя бы не стоять столбом.

Вот в этом и была загвоздка – какой же танец, если только девушка вокруг извивается, а другой изображает, что он не совсем столб?

– Может, что-то типа танго? – я подкинула очередную идею. – Шаг назад, вперед, прижимаемся друг к другу, я сползаю вниз по тебе, потом вверх, потом вниз...

Показала, как это должно выглядеть. Слава некоторое время терпел, затем вернулся к привычной критике:

– Ты силой трения решила победить? Дерзай. Ты не первая, кто этим путем в шоу-бизнес идет.

Он намекал, что получилось слишком эротично? Да нам уже как угодно сойдет! Ладно, один раз вниз, возвращаюсь к его лицу, он перехватывает меня за талию – и хватит пару раз покружиться вместе. Но через несколько минут из меня вырвалось раздражение:

– Да шевели ты бедрами, Слав! Ну почему как бить – так ты расслабленный и живой, а как чуть-чуть потанцевать – у тебя как будто ноги не гнутся?

Он тоже устал от своей неумелости. Вскинул руки и смешно затряс нижней частью тела:

– Вот так?

– Ни в коем случае! – засмеялась я. – У нас танец «Битва за любовь» – ты на стадии битвы завис, теперь покажи нам любовь!

Ну он и начал двигать бедрами теперь вперед короткими толчками – то ли на лошади поехал... то ли вообще не на лошади.

– Так?

– Да, именно так! – издевательски заголосила я. – Из шоу выгонят – и сразу в порнушку устроишься.

Я обошла его и хлопнула по попе, приказывая:

– Расслабь бедра!

Слава не преминул отреагировать:

– Я смотрю, кое-кто напрашивается мне в порно-напарницы.

Прозвучало смешно, но было не до смеха – у нас оставалось все меньше времени до гала-концерта. Я посмотрела на него серьезно и напомнила:

– У нас с тобой первая половина неплохая, в самом конце я падаю на твою руку, а ты склоняешься ко мне.

– Опять целоваться? – Он вскинул темные брови.

– Необязательно, – после раздумий решила я. – Замрешь надо мной в нескольких сантиметрах, в глазах любовь изобразим, так поторчим под последние аккорды – должно выглядеть красиво. А вот между этими контрольными точками у нас какая-то неразбериха. – Я снова встала перед ним, схватила за бедра и заставила качать из стороны в сторону, прикрикивая: – Ну же, ты можешь!

Он почему-то все сильнее веселился. Надавил мне на плечи и попросил:

– На колени встань, так будет удобнее.

Я бездумно опустила, все так же удерживая его за бедра, но через секунду поняла, что он просто ржет надо мной – вскочила и запыхтела:

– Смешно тебе, да? А позориться будет не смешно!

Поскольку он продолжал хохотать, схватила с кровати подушку и зарядила в него – это не удар по воздуху выдуманным мечом. Слава обескураженно осекся, но ловко перехватил меня и нагло прошелся пальцем по ребрам – я не слишком боюсь щекотки, но от такой умелой завизжала. Вырвалась, снова вооружилась подушкой и попала прямо в смеющийся рот – только после этого хохот прекратился. Но отнюдь не драка. Раз уж я начала использовать постельные принадлежности, то тем самым карт-бланш дала. Слава тоже метнулся к кровати, но схватил не подушку, а покрывало. Через пару минут истерических воплей и катаний по полу, я оказалась завернута в него и обездвижена.

– Шаурма! – начал обзывать этот негодяй. – Попробуй теперь потанцуй!

– А у тебя попа без шарниров! – не забыла парировать я. – Папа Карло при твоём создании не все предусмотрел!

Он вздернул меня вверх, поставил на ноги, перехватил поудобнее и забултыхал мною в воздухе, так и не распаковывая. Мне бы возмущаться, но я радостно завопила:

– Вот-вот, почти! Теперь делай это чуть нежнее!

Слава замедлился, шагнул в сторону, перетянул меня на руках, поскольку я на цыпочках не успевала перебирать ногами. Остановился, посмотрел на мое красное восторженное лицо, умилился и чмокнул в нос. Вообще-то, я тоже была рада хоть какому-то танцевальному прорыву. С непрофессиональными актерами иногда подобное происходит: так сродняются с ролью, что потом абстрагироваться не могут. Я запыхтела:

– Отпусти! А то я ведро воды на твою сторону кровати вылью!

– Тогда и поговорим, чья сторона кровати – моя. И где ты возьмешь ведро?

– В ладонях натаскаю!

Он деловито покивал, будто обдумывает угрозу:

– Это при условии, что я верну тебе твои руки.

Я потянулась к его подбородку и с удовольствием цапнула зубами. Так этот разбушевавшийся тихоня ойкнул, наклонился и укусил меня губами за щеку! Я завизжала – он собрался с мыслями и тоже завизжал, передразнивая меня. Не знаю, чем бы закончился этот ужас, если бы не зазвонил стационарный телефон – менеджер обычно связывался с нами через него.

Слава тотчас отпустил меня и как ни в чем не бывало ответил на звонок. Я избавилась от одеяла и тоже сразу успокоилась – не накинул бы нам Дмитрий Алексеевич новых задач, пока мы еще с этой не справились. Парень некоторое время слушал, а потом уточнил коротким вопросом:

– Какую камеру?

И уставился почему-то на меня. Ответ нам теперь был не нужен – мы синхронно перевели затуманенные взгляды на компьютер. Только что мне было смешно и жарко, за секунду стало страшно и холодно. Менеджер что-то орал в трубку, но Слава недослушал – оставил телефон и очень медленно выдвинул ногу в сторону ноутбука. Ему было жутко не меньше, чем мне. Я пыталась судорожно соображать:

– Я же выключила... точно выключила!

– Лампочка горит, – прохрипел он.

Так, ладно, я что-то выключила, но явно не то, что следовало. Но утешила нас обоих объяснением:

– Ладно, Слав, ничего страшного. Там три зрителя было – может, и они сразу вышли.

Он наклонился над экраном, провел пальцем по тачпаду и уже совершенно спокойным голосом сообщил:

– Ты выключила только микрофон. И теперь еще несколько человек подключилось.

– Сколько? – я страшно боялась подойти ближе и увидеть самой.

– Четырнадцать, – вдруг сказал он, но успокоиться я не успела. – Почти четырнадцать тысяч. Я сейчас...

У меня от шока рассудок в хлам рассыпался:

– Что?! Пи...

Я громко и отчетливо выругалась синонимом слова «звездунец». А Слава запоздало договорил свою фразу:

– ...микрофон включил. – Он посмотрел в камеру и монотонно произнес, как будто это не он пять минут назад скакал по комнате бешеным кроликом и хохотал до упада: – Это был веселый час из жизни Вячеслава Вдовина и Ланы Утяниной. Спасибо, что были с нами. Боюсь, больше не увидимся.

На этот раз он отключился от канала полностью. Точно-точно. Прямо стопудово. Но мы все равно каждые десять секунд подбегали и проверяли. Даже захлопнутый ноутбук, накрытый подушкой и одеялом, больше не вызывал доверия. Дмитрий Алексеевич не стал перезванивать – прискакал собственной персоной. Но, вопреки ожиданиям, не запинывал нас обоих до смерти ногами, хотя меня невнимательной дурой все-таки назвал. Он выглядел скорее уставшим, чем злым:

– А может, вы двое – моя карма? Тогда надо смириться и принять, а в следующей жизни повезет родиться счастливым лягушонком. Удалять ролик уже бессмысленно – вы видели, сколько репостов? Мат запикали, но это делу не поможет. Комментарии, кстати, разнородные – есть и положительные. Люди додумывают, о чем вы в процессе общались, но почему-то вашими отношениями многие умилились. Девяносто процентов уверено, что Света забыла выключить камеру. Десять настаивают, что все это постановка. Клянусь, если бы вы сделали это специально – я бы вас в разогретые этими вашими танцами ягодички расцеловал. А теперь будем

просто пожинать плоды. Поздравляю, детишки мои любимые, вас заметили. Для рейтингов это в любом случае хорошо. Для шоу и вас лично – время покажет.

Мне правда было стыдно. Я извинилась перед менеджером, а потом и перед Славой. Он молчал, но мысленно точно клял меня последними словами. И это понятно – он-то такой ошибки точно бы не совершил.

Мы не удаляли запись с канала, ведь она уже разошлась, и не хотелось теперь выглядеть жалко в попытке прикрыть грешок и спрятаться. Но, возможно, это решение было ошибочным – сорокаминутный кошмар стал полным звездцем. К тому времени, когда мы кое-как созрели тоже одним глазком глянуть, просмотры перевалили за пятьдесят тысяч, в комментариях появились забавные мемы с нашими размытыми лицами. Я стрим вела с такой точки, что почти вся комната попадала в обзор, но все наши перемещения, особенно когда мы катались по полу, она захватить не могла. Но эти «пустые» кадры только прибавили фантазерам пищи для размышлений.

Слава ожил и поддержал неожиданно бодрым голосом:

– Все, Света, забей. Мы же сюда ехали не затем, чтобы отсидеться в тени? На негативные комменты внимания не обращай – их как-то неожиданно не слишком много.

Я это уже заметила. Наоборот, нас называли «няшками» и «милашками», которые «на самом деле любят друг друга». Но беспокоило меня теперь совсем другое – та сцена, где мы кусались и в носы чмокались. На видео вообще не было понятно, что мы конкретно делаем – разве что после визжим и смеемся.

– Слава, – я начала тихо. – Реалити-шоу как раз про это, нам не за что себя винить. Но давай Тоне и Эдику скажем, что все заранее спланировано – менеджер заставил. Мы не сами по себе бесились, а работали. А то как-то...

Он покосился на меня и неоднозначно пожал плечами – ему снова стало все равно.

Глава 6

Выступили мы чуть хуже, чем на последней репетиции, но несравненно лучше, чем на первой. Не сказать, что сильно волновались, просто так получилось. Концерт проходил в зале одного из пятизвездочных отелей в центре острова, приезжих зрителей оказалось не так уж и много: и билеты дороги, и суточный перелет в одну сторону ради трехчасового представления мало кого привлек. Но на зрительские места усадили сотрудников агентств, помощников и весь персонал отеля, потому со стороны массовка выглядела достаточно впечатляющей. Плакаты местным уборщицам раздали готовые – они все равно по-русски ни бельмеса не понимают. Наш номер был десятым – вклинили в середину, чтобы наш непрофессионализм немного затерялся среди более опытных участников. А жюри впечатляло: продюсеры шоу не поскупились на пригласительные билеты для знаменитых хореографов, хормейстеров, театральных постановщиков и директоров телеканалов.

Костюмы Дмитрий Алексеевич нам достал неплохие: черное и белое исторические платья. Мечи издали тоже весьма правдоподобно выглядели. Не сказать, что мы могли похвастаться шикарным реквизитом, но зато грим выглядел безупречно, и отыграли мы все же более-менее гармонично. Ни разу не сбились с ритма, никому пяткой в нос не прилетело, а Слава покрутил меня в танце на максимуме своих танцевальных способностей, кои все еще оставались невелики. Отпозорились несколько минут и с удовольствием пошли в зал, чтобы уже спокойно глянуть остальные номера.

Эд с Илоной пели специально написанную к случаю песню. И пусть ни один из них не считается вокалистом, но сама мелодия была проста и зажигательна – наверняка уже через неделю разойдется новым хитом. Но некоторые участники просто поражали размахом – они сюда вагонами реквизит, что ли, гнали?

Итоги мы узнали уже в конце концерта. С двух сторон от сцены запустили огромные экраны с онлайн-голосованием, ведущий растекся перед членами жюри, заново перечисляя их регалии. После теплых слов и фальшивых комплиментов судьи начали выставлять оценки, отчего-то как раз на этом моменте вдруг перестав быть лапочками. Мы со Славой получили почти одни пятерки! И все бы ничего, если бы не по десятибалльной шкале. Ниже пятерки вообще никому больше не ставили. Один ворчливый дядечка даже зачем-то добавил, что не рассмотрел в нашем номере ни хореографии, ни сценического искусства, как будто его кто-то об этом спрашивал.

Однако вопреки предположениям мы заняли не двадцатое место, а семнадцатое – онлайн-голосование добавило нам очков. Не исключая, что не последнюю роль в этом сыграл мой слитый стрим. Эд и Илона вообще только за счет онлайн-зрителей перескочили на пятое место – их номер жюри не оценило слишком высоко, но фанаты распорядились иначе. На первом месте оказались спортсмены: Семен Арапаев и Лариса Макаренко устроили на сцене такую акробатику, что судьи, скорее всего, просто побоялись поставить им невысокие оценки – ребята показали, что запросто любого догонят и еще проще настучат по темечку хоть ногами. А вылетели самые пожилые участники, чета театральных актеров. Их короткая сценка не произвела ни на кого должного эффекта – да что уж там, от меня даже смысл этой философской постановки ускользнул, хотя отыграно было блестяще. Но это реалисти-шоу – тут важна только зрелищность, а не подтекст.

– Поздравляю, детишки мои, – с улыбкой произнес Дмитрий Алексеевич, возникший за нашими спинами после объявления результатов. – Молодцы!

Слава потер подбородок и нахмурился:

– Странно как-то. Мы ведь объективно были хуже всех. Задумка, может, и неплохая, но ее надо было ставить и репетировать полгода, чтобы форма соответствовала содержанию.

Я-то уже мысленно вернулся в свою московскую квартиру... Неужели мы так старались не облажаться, что перестарались? В следующий раз давайте метить точно на последнее место.

– Зануда! – засмеялся счастливый менеджер. – Вы не так уж и плохо смотрелись, постановщик за идею вам выставил аж восемь баллов, реализация только подкачала. Но дело не в жюри. Ты так и не понял, что рейтинги решают? Если зрители хотят смотреть на вас, а не на этих скучных дряхлых старикашек, то вас и будут пихать в каждую щель. Здрасьте, Василина Петровна, – он без паузы крикнул проигравшей участнице. – Как несправедливо вас засудили, судью на мыло, и все такое!

Но сам продолжал еще полчаса злорадно хихикать.

По Славе было видно, что он уже устал подыгрывать. Ему хотелось оказаться в привычной рутине. Правда, он не возмущался вслух, только брови хмурил. А по возвращении в бунгало нервно пнул свой чемодан. Посмотрел на него, вздохнул и начал все-таки разбирать вещи по полкам. Еще целую неделю он в одной и той же футболке не проходит.

Вечером к нам нагрянули Тонька и Эдик – опрокинуть по традиционному коктейлю и обменяться мнениями. Тоня выглядела какой-то напряженной, а через полбокала все же созрела выдать:

– Не думала, что нам еще и с вами соревноваться придется.

– Соревноваться? – я посчитала сказанное шуткой. – Мы от вас через двенадцать мест. Вот уж конкуренты так конкуренты!

Но Слава слегка прищурился и уточнил:

– Тонь, намекаешь, что нам пора?

Девушка немного смутилась, переглянулась с Эдиком, который помалкивал, и неуверенно пожала плечами:

– Нет, конечно. Я бы хотела, чтобы ты остался здесь со мной. Но мы ведь все равно почти не видимся! Вы на своих репетициях, мы на своих. На несколько минут собираемся – и то скоро ваш менеджер примчится и снова начнет визжать, чтобы мы уматывали.

– Откуда примчусь? – поинтересовался Дмитрий Алексеевич из-за перегородки. – Я здесь – жду, когда вражеские шпионы из нашего лагеря отчалят. Нам с детишками надо обсудить, как в следующем конкурсе сократить до вас разрыв.

Тоня скривилась, но Слава продолжал смотреть на свою девушку неотрывно:

– Тонь, скажи прямо – ты хочешь, чтобы я уехал?

– Нет, конечно! – повторила она эмоционально. А затем тихо добавила: – Но ведь тебе самому это не надо. Я зря тебя уговорила. Получилось, будто ты из-за меня своими интересами жертвуешь! Пора это прекращать, а то мне стыдно.

Взгляд Славы изменился, а голова склонилась набок.

– Что ты, дорогая, я как раз там, где хочу находиться. Никаких жертв. И если вы с Эдом проиграете, то мы со Светой останемся – почему нет? Я начал ловить удовольствие от вашей работы.

От такой прохлады на берегу тропического моря все поежились. Возможно, я на его месте ответила бы так же – Тоня вообще зря этот разговор затеяла, коктейль ей сегодня не в то горло пошел. И если бы Эдик попросил меня скрыться с глаз, у меня настроение тоже испортилось бы.

– Слава, ну не начинай... – она отработанно надула губки идеальной формы. – Я только рада, что ты приехал. Хоть так узнала, как ты смеяться умеешь – оказывается, я за два года тебя настоящего и не видела...

Тему развивать не стали – отсылку все присутствующие поняли, но ее обсуждение могло и к ссоре привести. Они посидели еще немного, но разговор теперь не ладился, потому ушли. А я уже после попыталась сгладить обстановку:

– Тоня просто устала. Или удивилась. Никто же от нас сразу семнадцатого места не ожидал – даже мы!

Слава упал на кровать рядом с Дмитрием Алексеевичем и вздохнул:

– Наш стрим начал аукаться. Возможно, Тоня боится больше не того, что проиграт, а что мы с тобой в процессе сблизимся. Понимаешь, им на камеру можно делать что угодно – это работа. А я тебя не могу смешно в одеяло завернуть – это уже личное.

Я не хотела с ним спорить, но внутренне согласиться не могла. Во-первых, мы это все не на камеру делали, не за зарплату, не по команде режиссера – и от этого ситуация действительно подсвечивалась иначе. А во-вторых, Слава на стриме реально хохотал так, как я раньше и представить не могла. Быть может, Тоня тоже не могла? Меня бы потрясло до глубины души, если бы Эдик для другой девушки открывал то, чего я сама не видела. А Вячеслав Сергеевич Вдовин – занимательный персонаж. Он скрытный, не особенно эмоциональный, больше думает, чем говорит, но изредка его прорывает – и такие эпизоды коллекционируются как драгоценные капли именно потому, что их мало.

Дмитрий Алексеевич звонко хлопнул в ладоши и напомнил о делах:

– Пора начинать готовиться к следующему конкурсу «Битвы за любовь». Это будет целый день из жизни пары. Надо, чтобы выглядело естественно – как будто вас врасплох застали. И поэтому надо продумать каждый шаг по минутам! Нас снимают во вторник – вы больше не спите, не едите, а готовитесь, времени мало.

– Думаете, это будет выглядеть естественно? – усмехнулась я.

– Разумеется! Спонтанность в шоу-бизнесе – это самый тщательно подготовленный элемент! Например, у Илоны Ласковой даже ее тупые стриженные волосы по намеченной траектории развеваются – неужели не заметили?

Мы заметили, конечно. Особенно в сериале, где пряди ее рыжего парика иногда на нитках вверх тянули в самых эпических сценах, а подол платья задирали теми же нитками ровно до того места, где уже достаточно обзора стройных ног, но еще не заметен переход в пошлость – что угодно для красоты спонтанного момента. Однако Славе не понравилось другое:

– Дмитрий Алексеевич, тупые волосы? А то, из чего волосы растут, умное или тоже так себе? Вы ведь помните, что говорите о моей девушке?

Тот отмахнулся – он ненавидел всех наших соперников, и только нас готов был круглосуточно нянчить и поздравительно щипать за щеки. Менеджер сразу переключился на главное:

– С чего будем начинать ваш обычный день, звездулечки мои? С пробежки по песчаному берегу или плавания под лучами восходящего солнца?

– Вы ведь запретили нам купаться, – напомнила я.

– Да, но зрители об этом знать не должны. Один раз можно!

Я припомнила:

– Я плаваю только по-собачьи кое-как. В Москве всю жизнь жила, а дачи у нас не было. На море пару раз ездили, но это давно было... Может, порепетируем?

– Чтобы ты до вторника на солнце обгорела? – рыкнул на меня менеджер. – Так, что еще можно сделать? Чем вы завтракаете, какие сувенирные лавки предпочитаете – это я продумаю. Надо побольше спорта – сейчас везде впихивают воспитательный элемент. Вячеслав Сергеевич, раздевайся, показывай свое хозяйство.

– Обязательно, – ответил тот, не шелохнувшись. – После того как вы уйдете. Мы со Светой именно так и коротаем ночи – рассматриваем мое хозяйство.

– Да я не о том – торс покажи! Надо сразу оценить: мы спорт декларируем на личном примере или показываем, как не надо жить.

Он стянул со Славы футболку, выставил его в центр комнаты как экспонат. Я присоединилась к оценке, хотя уже много раз приходилось видеть своего напарника в одних шортах.

По-моему, весьма! Тут, конечно, больше природные данные сыграли: широкие плечи и правильное сложение, а небольшие мускулы только немного подчеркнули дары.

– Неплохо, – согласился с моим молчаливым мнением Дмитрий Алексеевич. – Но мало. А почему мы тебя сразу в тренажерку не отправили?

Слава закономерно удивился:

– Вы хотите, чтобы я за шесть дней до бодибилдера раскачался?

Менеджер покачал головой:

– Бодибилдеры вышли из моды. Сейчас в ходу азиатские худющие андрогины – совсем немного мяса в правильных местах, но без перебора. Ладно, кубики на прессе корректором нарисуем. Спасибо, что жирное пузо не наел!

– Пожалуйста, – серьезно ответил ему Слава. – Как раз для вас и старался. Еще что-то? Пупок мне проколем или татуировкой название вашего агентства набьем?

Он наблюдал, как менеджер опускается вниз, как будто не рассматривает его, а уже разнюхивает. Не дернулся, когда тот снизу заглянул ему в штанину шорт, просто заинтересовался:

– А там вы собираетесь найти что-то неожиданное?

– Нет, – ответил Дмитрий Алексеевич задумчиво. – Я этот хаос и ожидал. С утра оба идете на эпиляцию.

На этот раз Слава немного испугался и отступил, вырвав зажатые шорты из пальцев озабоченного начальника.

– Зачем? Кто меня там будет разглядывать?

Менеджер вздохнул:

– Если повезет, то все. Но пока я на это даже не надеюсь. – Он поднялся с пола и угрюмо посмотрел на нас по очереди: – И давайте на этот раз без раскачивания прав. Вячеслав Сергеевич, я сейчас к тебе обращаюсь, если ты не понял.

Парень коротко поморщился, но затем произнес:

– Так и знал, что межресничка была началом конца. Хорошо.

Ответ удивил нас обоих. Дмитрий Алексеевич даже подпрыгнул от неожиданности, но потом осторожно переспросил:

– Точно?

– Ну да. Я теперь собираюсь задержаться здесь как можно дольше – посмотреть, кому еще я тут мешаю.

Мужчина счастливым тушканчиком ускакал из бунгало, а Слава молча вышел на террасу. Я не знала, что ему сказать для поднятия настроения, потому просто подошла и неловко обняла сзади.

– Я ведь уже согласился, Света, прекрати.

Думаю, расстроен он был не из-за косметических процедур и нового конкурса. Просто слишком близко к сердцу воспринял выпад любимой девушки. По его лицу никогда не догадаться, что в голове происходит – в этом деле он по умолчанию круче любого актера. И потому я произнесла нечто нейтральное, но честное:

– Слава, лично я считаю, что ты здесь самый красивый и интересный! Ну, после Эдика, конечно.

– Конечно, – отозвался он монотонно. – Ты, кстати, тоже ничего – идешь сразу после Тони. Уверен, достанься мне в компаньонки другая девушка, камеры бы даже мои пятки заснять не успели.

Я это и раньше знала. Мы с ним определенно друг друга не раздражаем. А сложилось такое впечатление, что на свете мало найдется людей, кто не вызывает в Славе даже капли тихого раздражения.

Глава 7

Дмитрий Алексеевич обещание сдержал и придумал отличный сценарий для нашего «спонтанного» дня. И мы к подготовке отнеслись со всей ответственностью: порепетировали естественность, проехали и прошли все необходимые точки, нашли отличное местное кафе, где на камеру будем уже во второй раз дегустировать блюда традиционной кухни – надо ведь было выяснить, что во вторник мы действительно потянем эту экзотику и нам не подадут обжаренных в собственном соку тараканов. Снимать нас будут как бы со стороны, чтобы зрители не заподозрили постановку и игру на камеру. А потом мы со съемочной группой должны весело и немного смущенно обсуждать некоторые эпизоды.

Вот только во вторник к нам в бунгало заявились уже почти в обед, хотя мы с шести утра ждали готовые и покрашенные. Ребята из оргкомитета расселись, установили камеру, немного поболтали с нами и ушли. Мы со Славой в полном замешательстве минут пять молча смотрели друг на друга, затем так же безмолвно вышли на улицу, где собирались обнаружить нашего менеджера – и верно, Дмитрий Алексеевич сидел на пирсе, понуро схватившись руками за голову. И это случилось впервые, когда мы с его мнением полностью и безоговорочно согласились.

Сели по разные стороны от него и тоже схватились за головы. Через некоторое время менеджер тихо поинтересовался:

– Ну и как, слишком плохо? Или можно надеяться, что получится слитый стрим, версия номер два?

Слава тяжело вздохнул:

– Это вряд ли. Зато есть плюс – естественнее выглядеть уже невозможно...

Дмитрий Алексеевич сдавленно произнес:

– Простите меня, детишки мои, я вас подвел. Не учел, что нас с вами презирают не только те участники, кого мы на творческом конкурсе случайно обошли, но и весь оргкомитет. Они все агентства предупредили, а про меня как будто забыли. Но чему удивляться? Вас брали для смеха – так над кем еще издеваться? Над настоящими звездами чревато, а вы для всех тут темные лошарки.

– Лошадки? – осторожно переспросила я.

– Нет, роднулечки, не лошадки... Ладно, – он встрепенулся и посмотрел на нас по очереди: – Рассказывайте, чтобы я успел морально подготовиться до того, как это выложат в эфир.

Нас действительно не предупредили, что наш день будут снимать не во вторник, а собирать его из трех предыдущих дней. Сегодня нам лишь показывали зафиксированные издалека эпизоды и просили дать комментарии. Поначалу мы со Славой даже хохотали, а потом в основном отмалчивались. Но наш день точно не был похож на то, что мы запланировали, или на то, что демонстрировали другие участники – спортивные тренировки, выверенные ракурсы, спонтанные признания в любви и романтические свидания. Хорошо, что мы пытались репетировать, поэтому хотя бы частично на камеру попали намеченные пункты.

Я старательно перечисляла Дмитрию Алексеевичу:

– Мы полдня валялись на шезлонгах, смотрели комедийный сериал и громко ржали. Это снимали откуда-то совсем издалека – там наших лиц почти не разглядеть, но хохот слышно. Неприятный такой, надо заметить, хохот... особенно мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.